

ИСТОРИЯ СЕМЬИ КАНАШОВЫХ

со времени проживания на Южном Урале и до наших дней

от лица Канашова Б.А.,

сына Канашова А.П.,

внука Канашова П.П.,

правнука Канашова П.К.,

праправнука Канашова К.?.

Димитровград

2013

Оглавление

Пролог	5
Семья южно-уральских казаков Канашовых (до 1930 года).....	6
Семья Нестеровых (начало 20-х годов).....	12
Раскулачивание (февраль 1930 года).....	19
Спецпереселенцы (1930 – 1941 гг.).....	29
Реабилитация.....	37
Война (1941–1945 гг.).....	39
Послевоенные годы (1945 – 1949).....	52
Скитания по Обскому северу (1949 – 1956 гг.)	55
Братья.....	65
Перегребное (1956 – 1964 гг.)	67
Октябрьское (1964 – 1966 гг.)	96
Учеба на Физтехе УПИ (1966 – 1973 гг.)	109
Второй брак отца.....	126
Димитровград. Начальный период	128
Димитровград, НИИАР. Профессиональная деятельность	133
Димитровград, НПФ «Сосны» (2000 – 2013 гг.)	138
Семья и дети.....	142
Отношение к карьере.....	147
Отношение к политической системе в СССР и РФ	149
Отношение к религии	159
Эпилог.....	169

Пролог

Потребность изложить историю семьи и фамилии Канашовых я испытал, когда мой отец, Канашов Андрей Петрович, был уже тяжело болен, и я понял, что с его уходом для меня исчезнут все события, которые были до меня. К тому времени я уже кое-что знал о его боевых делах во время последней войны, но был в полном неведении относительно истории семьи после революции и во время гражданской войны. Как выяснилось позднее, я ничего по существу не знал о том, что такое октябрьская революция, и что такое гражданская война, пока не спроецировал эти события на историю нашей семьи. В моем сознании были прочно уложены исторические схемы, изложенные в учебниках: прямая как оглобля линия партии и всенародное ее одобрение. Все оказалось не так.

Основными источниками информации были беседы с родственниками, письма отца, переписка с земляками, публикации на тему переселенцев, ну и, конечно, интернет. Кое-какие документы были в скромном семейном архиве. Большую роль в написании этого исторического эссе сыграла книга Вишнякова Петра Александровича «Рассказы», в которой он описывает судьбу своей семьи, до боли похожей на судьбу семьи Канашовых.

Семья южно-уральских казаков Канашовых (до 1930 года)

Мой прадед Канашов Павел Константинович родился в 1866 году, умер в 1934 году в селе Подгорном Октябрьского р-на Тюменской области.

Мой дед Канашов Петр Павлович родился в 1888 году, умер в 1933 гду в селе Подгорном Октябрьского р-на Тюменской области.

Моя бабушка Канашова (Худякова) Анна Ивановна родилась 28 августа 1894 года в д. Пашнино Челябинского р-на Челябинской обл., умерла 27 сентября 1983 года в селе Заречном Октябрьского р-на Тюменской области.

Все мои предки изображены на фото в первом ряду. Кто стоит во втором ряду, мне неизвестно наверняка. Однако по облику видно, что это ближайшие родственники (предположительно, сестра бабушки, ее муж и брат деда). На коленях у прадеда сидит старший сын деда Канашов Петр Петрович (родился 31 мая 1917 года, умер 31 мая 1991 года). Позднее у них родились еще два сына: Канашов Андрей Петрович, мой отец (родился 30 октября 1924 года, умер 15 июля 2000 года) и Канашов Дмитрий Петрович (родился в 5 ноября 1929 года, умер 4 июля 2006 года).

Нужно сразу оговориться, что во всех имеющихся старых документах до начала 1960-х годов наша теперешняя фамилия «Канашов» писалась через «е», т.е. как «Канашев», хотя проносилась фамилия как «Канашов» с ударением на «о». Такое написание присутствует в свидетельстве о рождении отца, в свидетельстве о браке родителей, в моем свидетельстве о ро-

ждении (!). И до получения паспорта в 9 классе все свои тетрадки и дневники в школе я подписывал «Канашев». Написание через «о» впервые появилось в моем паспорте. Все последующие документы членов нашей семьи (мои, отца, матери) по неизвестной мне причине содержали фамилию «Канашов». Я буду везде писать «Канашов», за исключением случаев, где цитируются документы.

Мои предки. Сидят: прадед, дедушка, бабушка

Откуда мог появиться род Канашовых? В Шадринском районе Курганской области на реке Канаш стоит село Канаш. Образовалось оно в 1682 году. Легенда гласит, что основателями его были чуваша. Они остановились на берегу безымянной реки и сели «совет держать», где им поселиться. Здесь и решили осесть, реке и поселению дали одинаковые названия – Канаш.

По чувашски «канаш» – значит «согласие» или «совет». Названия рек и озер считаются в топонимике самыми устойчивыми, их авторами обычно бывают первопроходцы местности. Почти на границе с Курганской областью в Челябинской области стоит село Канашово. Школьники города Канаш из Чувашии в переписке с жителями села установили, что это село лет триста назад основали люди по фамилии Канашовы. Кто они были по национальности, сельчане не знают, однако им точно известно, что прибыли те в эти места казаками. А не жители ли шадринских Канашей это были? Вполне возможно. Расстояние между селами небольшое, вероятно, разъезжали жители Канаша по округе в поисках неосвоенных земель, называя себя канашовыми казаками, вот и осталось от них название. Фамилия же Канашов весьма распространенная в этом регионе и сегодня. Правда, ни в Канашах, ни в Канашове чувашей нет. В конце 18 века в этих местах славно погулял Емельян Пугачев. И место чувашей заняли казаки.

С.У. Ремезов в «Истории Сибирской» пишет: «Ермак же с единомышленниками своими, надеясь на Божию помощь, поплыли вниз по Тоболу в 8 день июля и доплыли до мурзы Бабасана. А здесь у Ермака его сторожевой передний струг, за версту от него, захватили басурманы. Казаки же сразу нагрянули и ударили так неожиданно, что многие из противников враз оказались убитыми, другие же быстро разбежались в разные стороны, и так быстро освободили своих, хотя и искалеченных. И тогда собравшееся войско чувашей, казачью орду, вожулов, остяков и всех татар Кучум отпустил из города своего с сыном своим Маметкулом по Тоболу навстречу Ермаку. Сам же устроил засеку около Чувашей на Иртыше, укрепив город, а в устье Тобола крепкий дозор поставив. Такой отряд во главе с царевичем Маметкулом встретил Ермака в 21 день июля в Бабасанах у устья

старицы на Тоболе. И сражались нещадно врукопашную, так рубились, что кони по чрево бродили в крови их и мертвых телах нечестивых. И вели бои 5 дней, держась, не пропуская струги вниз. В конце концов с Богом казаки победили, а противники отступили, и царевич бежал. И после явления им святителя Николая чудотворца, который велел дерзнуть, поплыли вниз».

По специальному указу Елизаветы Петровны на Южном Урале было сформировано Оренбургское нерегулярное войско и введен институт войскового атамана. К концу 18 века казачество оформилось как военное сословие. Началась интенсивная колонизация Южного Урала русскими крестьянами.

В это время началось административное формирование территории Южного Урала. Оно стало продолжением политики Петра I по развитию производительных сил России и расширению ее границ. Историческое понятие Южный Урал включает в себя Челябинскую, Оренбургскую, Курганскую области, Башкирию, часть Свердловской области, Уральскую область Казахстана. Все эти земли в конце 18 – начале 19 века входили в состав Оренбургской губернии. Две трети площади Челябинской области в прошлом – территории исконно казачьи. В 18-19 веках казаки на Южном Урале пользовались особыми правами и преимуществами. Они были зажиточны, на свои средства строили церкви и школы во всех станицах. Казаки славились трудолюбием, деловитостью и гостеприимством. В боях были храбры. Участвовали в войне 1812 года (сначала в составе второго Оренбургского полка под командованием генерала А. П. Тормасова, позднее – в «летучих отрядах» Дениса Давыдова), дошли до Парижа. В начале 20 века участвовали в русско-японской войне (11 Оренбургский казачий полк воевал на полях Манчжурии). После Октябрьской революции судьба казаков сло-

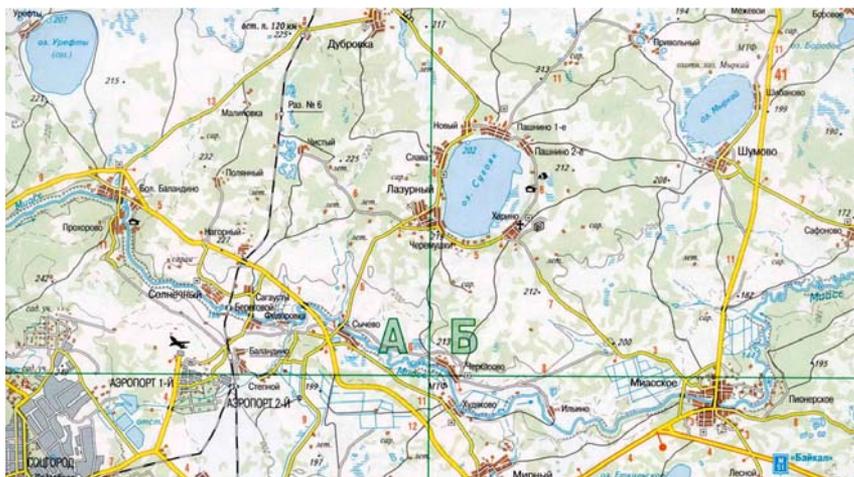
жилаась трагично, почти все они были уничтожены, в этих местах о них осталась только память.

Казачи на правах местных хозяев осваивали окрестные земли. Например, в 1747 году казак Авраам Мухин арендовал Каят-реку для рыбного промысла на два года, а челябинский войсковой атаман Севастьянов получил во владение целое озеро Егильды. Появились казачьи слободы. Вокруг нынешнего Челябинска около озёр расположились семьи Синеглазовых, Смолиных, на хороших луговых местах у бора – семьи Першиных, Шершнёвых. Подальше от города поселились Полетаевы, Баландины, Бутаковы, Долгих. Их фамилиями названы сегодня сёла, города и районы Челябинской области. Названия этих сел еще не раз встретятся в нашем рассказе.

Например, предки моего школьного приятеля Пасынкова Феди также были казаками и обладали в Челябинской области изрядной земельной собственностью. Семья его деда, Никифора Максимовича Пасынкова (родился в 1894 г.) и бабушки Хионеи Фадеевны (родилась в 1887 г.), происходила из потомственных казацких родов Оренбургского войска. Дедушка Пасынков Н.М. был одним из главных поставщиков зерна в регионе, в том числе в 20-е годы, во времена НЭПа. Ему принадлежали земли (поля, леса с прилегавшей к ним рекой Миасс) общей территорией трех ныне действующих совхозов. Позднее участвовал в «экспедиции» по освобождению царской семьи в Екатеринбурге (как известно, безуспешной), организованной в том числе здесь, в Челябинске, посланцами адмирала Колчака. В 30-е годы, как и большинство казаков, был раскулачен и выслан на поселение на север Омской (ныне Тюменской) области.

Семья Канашовых, также имевшая казачье происхождение, проживала в д. Шибаново Шумовского с/с Красноармейского

района Челябинской области на берегах озера Мыркай. По неподтвержденным данным (со слов дочери Дмитрия Петровича – Нэли) семье Канашовых принадлежала мельница и пекарня, в хозяйстве было несколько голов крупного рогатого скота. Самый младший из братьев (Дмитрий) ездил в Шибаново уже в 90-е годы и обнаружил, что дом, в котором проживали Канашовы, еще сохранился и действует, но в другом качестве. Здание было двухэтажным: нижний этаж кирпичный, второй этаж – деревянный. Вероятно, в п. Шибаново не было собственной больницы, и бабушку увозили рожать сыновей в соседнюю деревню Пашнино. Сама она тоже родилась в Пашнино.

**Карта местности в Челябинской области, где родились и жили
мои предки по отцовской линии**

Семья Нестеровых (начало 20-х годов)

Я долго размышлял над тем, стоит ли рассказывать в этих воспоминаниях о судьбе предков по материнской линии. В итоге пришел к выводу, что рассказ не будет полным и правдивым, если я не изложу то, что я узнал в последнее время из различных источников. Дело в том, что я рос и воспитывался в семье коммуниста (мать была членом КПСС), был гражданином страны, строящей коммунизм, и поэтому мне даже в голову не приходило подвергать сомнению коммунистические ценности. По существу, до периода перестройки и в институте, и в начале своей научной деятельности я был апологетом существующей системы. О том, что в истории семьи была страница, связанная с раскулачиванием и репрессиями, в семье не говорилось ни слова. Тем более, об этом нельзя было узнать из учебников и официальных источников.

Итак, моим дедом по материнской линии был Нестеров Анисим Егорович. Его дети – сыновья Степан, Николай, дочери Ольга и Мария, моя мать. Семья жила в селе Алымка Уватского района Тобольского уезда. Дети выучились, Степан, отец моего двоюродного брата Владика, закончил юридический институт, и стал большим человеком – прокурором Ханты-Мансийского округа. Тетка Ольга не имела специального образования и работала, кажется, в детском саду в Ханты-Мансийске. Она была колоритной личностью: любила выпить, курила крепкие папиросы и хриплым голосом «резала» правду-матку, невзирая на личности. О судьбе Николая мне ничего не известно.

Моя мать, Канашова (в девичестве Нестерова) Мария Анисимовна, заочно закончила Тобольское Русское педагогическое

училище в 1939 году, и свою педагогическую деятельность начала в своем родном селе Алымка. В дальнейшем, после войны, когда стало совсем голодно, по совету брата Николая она вместе с детьми переехала в Микояновский район, где всю жизнь работала учительницей начальных классов в школах Обского севера. От первого брака у нее было трое детей: Владилен (Владик), Миля и Валерий. Вскоре после переезда в Подгорное Милля скончалась от острого приступа аппендицита в возрасте девяти лет. Там же, в Подгорном, она и была похоронена. Мать тяжело перенесла эту утрату, и каждый день ходила на могилку дочери. Эту боль она донесла и до нас, я хорошо помню, что она часто рассказывала о Миле.

Авторитет деда по материнской линии в нашей семье не подвергался сомнению. Дед Анисим был первым председателем колхоза в селе Алымка. В 1921 году, по семейной легенде, он был арестован белогвардейцами и перевезен в г. Тобольск, где был расстрелян вместе с другими организаторами советской власти на Обском севере. Мать всегда подчеркивала, что дед погиб в борьбе за советскую власть и похоронен в братской могиле рядом с памятником Ермаку на Тобольской горе. Памятная плита с именами расстрелянных до сих пор находится в парке Ермака. Одна из фамилий на этой плите – А. Нестеров. И я этим гордился всю свою сознательную жизнь.

Однако несложный исторический анализ показал, что все не так однозначно в истории нашей страны, и кто прав, кто виноват, каждый решает сам. Поэтому необходимо небольшое историческое отступление, посвященное событиям начала 20-х годов, произошедших на Обском севере.

Памятная плита на братской могиле в г. Тобольске

В январе 1921 года вывоз хлеба с юга Западной Сибири, собранного в ходе государственной продразверстки, к линии железной дороги для отправки в Центральную Россию осложнился объявлением новой – семенной – разверстки. Сбор всего семенного материала в общественных ссыпных пунктах обрекал крестьян на невозможность весеннего посева и угрозу голода. Это стало непосредственным поводом стихийного и массового крестьянского восстания, начавшегося 31 января 1921 года. Западно-Сибирское восстание началось почти одновременно в разных районах Ишимского, Ялуторовского, Тюменского, Тюкалинского уездов Тюменской губернии. Повстанцы на три недели парализовали движение по обеим линиям Транссибирской железнодорожной магистрали. Двигаясь на север, они захватывали уездные центры Тобольск, Березов, Сургут, Обдорск в Тюменской гу-

бернии, вели бои за Ишим, угрожали Кургану и Ялutorовску, подходили к Тюмени на расстояние нескольких десятков верст. Трехнедельный перерыв железнодорожного сообщения лишил возможности получать хлеб из Сибири, являвшейся в то время одним из главных источников получения продовольствия.

Всего в этом движении участвовало около 70–100 тыс. повстанцев. Крестьянское понимание справедливого общественного устройства сводилось к лозунгу «Советы без коммунистов». Противоборство отличалось жестокостью с обеих сторон, значительными потерями, включая мирное население.

Отряды повстанцев в количестве до 5000 бойцов, вооруженных ружьями, вилами и дубинами, в феврале 1921 года перерезали дорогу Тюмень-Тобольск, осадив Тобольск так, что пробиться к нему со стороны Тюмени не было никакой возможности. Сил не хватало: бои в Ишимском и Ялutorовском уездах, охваченных восстанием, требовали присутствия на этих участках значительного количества войск Красной Армии. Советские и партийные руководители, стоящие у власти в Тобольске, забили тревогу, взывая о помощи. Но обороняться было нечем и некем. На оборону удалось мобилизовать не более 500 человек. Руководство решило сдать столицу. 20 февраля председатель Тобольского уездного исполкома Демьянов вызвал к себе руководителя Тобольского бюро профсоюзов – А.Е. Корякова, члена партии эсеров с 1903 года. Он поставил его в известность о том, что советская власть покидает город, и передал ему все полномочия по организации городского управления. Для защиты от повстанцев выдал четыре дробовика и к ним восемь патронов. В отличие от своих политических оппонентов Коряков не растерялся. Собрав руководителей профсоюзных организаций, он оповестил их о создавшемся положении и распределил между ними городские объекты, подлежащие охране, в том числе продо-

вольственные склады. Задача теперь заключалась в том, чтобы сохранить порядок и не допустить напрасных жертв. 22 февраля, то есть спустя сутки после поспешного бегства партийных и советских работников, в Тобольск вошла повстанческая армия под командованием Василия Желтовского. Военно-городской совет, созданный руководителями профсоюзов, просуществовал в Тобольске шесть дней. Уже 26 февраля на свет появился выборный орган самоуправления – крестьянско-городской совет. В воззвании Тобольского штаба повстанцев ко всем жителям Сибири 25 марта 1921 г. объявлялось: «Мы добиваемся настоящей советской власти, а не власти коммунистической...». Повстанцы не прибегали к массовым расстрелам. Жертвы со стороны коммунистов и красноармейцев были во время боев на подступах к городу. Для спасения коммунистов немало сделали А.Е. Коряков и его соратники: они убедили Желтовского в том, что расстрелы могут восстановить жителей против новой власти, дискредитировать ее в глазах тоболяков. Падение Тобольска имело невероятные по своим масштабам и трагичности последствия. Дорога на север – Сургут, Самарово, Березово и Обдорск оказалась открытой для повстанческих армий. И они не преминули этим воспользоваться. В результате три северных уезда – Тобольский, Сургутский и Березовский, а также часть Ямала, вплоть до Обдорска, были отрезаны от Советской России. Это лишало советскую Россию пушнины и рыбы, задерживало движение речного транспорта, парализуя судоходство по Оби и Иртышу, обрекая местное население на голодную смерть.

Новая форма народной власти – Крестьянско-городской совет – просуществовала 38 дней. Всего же повстанцы удерживали город 45 дней, а Тобольский тракт – почти два месяца. И все же Красной Армии удалось прорвать фронт повстанцев. Вечером

7 апреля части 343-го полка с боем заняли северный пригород Тобольска, и утром 8 апреля ворвались в него, что называется, на плечах противника, захватив многочисленных пленных. Василий Желтовский с отрядом сумел вырваться из окружения, отступил на север, где и погиб в бою под Самарово в мае 1921 года. Алексей Коряков и его команда осталась в Тобольске. После восстановления советской власти бывший председатель Тобольского уездного исполкома Демьянов, бывший военком Хрусталева и другие партийные руководители предстали перед судом за то, что сдали город без сопротивления. И были оправданы. А вот Коряков, а с ним пятеро профсоюзных деятелей, которые спасли Тобольск от разграбления, а его жителей от бессмысленных жертв, были расстреляны по приговору трибунала за связь с повстанцами, несмотря на то, что в их защиту выступили профсоюзы и рабочие и служащие тобольских предприятий.

Так после восстановления власти коммунистов в Тобольске, в парке Ермака в верхней части города, появилась памятная плита, посвященная коммунистам и красноармейцам, погибшим во время событий 1921 года.

В этой истории есть нестыковки. Белое движение под руководством адмирала Колчака прекратило свое существование к концу 1919 года. Причин для этого было несколько: отсутствие поддержки со стороны населения из-за жестокости белогвардейцев, внутреннее разложение офицерства, удары Красной армии, которая к тому времени уже сформировалась в организованную силу. Последнее Тобольское наступление белогвардейцев в августе 1919 года закончилось провалом. В любом случае, с начала 1920 года советская власть в Западной Сибири была восстановлена, и белогвардейцев на ее территории не было. Но, как показывают исторические источники, граждан-

ская война продолжалась. Факт многотысячного восстания крестьян Западной Сибири против наличия коммунистов в Советах официальная история СССР старательно замалчивала. Таким образом, мой дед, скорее всего, погиб от руки восставших крестьян.

Если же он действительно был расстрелян белогвардейцами, то это было значительно раньше, в 1919 году, когда колчаковцы безраздельно хозяйничали в Западной Сибири. Но это означает, что в братской могиле 1921 года на Ермаковской горе покоится другой А.Нестеров...

Вот такая история. В любом случае, у меня было два деда, которые во время гражданской войны по существу принадлежали разным сословиям и находились по разные стороны баррикад. Я не хочу утверждать, кто прав, кто виноват. Никто не виноват. Гражданская война – ничья вина. Это всеобщая трагедия.

В семье маминого брата Степана и его жены Парасковьи Тихоновны было трое детей: Людмила, Валентина (умерла в 2012 году) и Владик. Люся и Владик – мои наиболее близкие люди. Люся живет у дочери в Будапеште, Владик после окончания своей бурной деятельности на Обском севере переехал в Москву.

Раскулачивание (февраль 1930 года)

В феврале 1930 года родители моего отца Канашовы Петр Павлович и Анна Ивановна, дети Петр (13 лет), Андрей (6 лет) и Дмитрий (3 года), а также дедушка Канашов Павел Константинович были раскулачены и сосланы на поселение на Обской север. По источникам, которые стали доступны во времена перестройки, а также из книги директора моей школы Вишнякова П.А., судьба которого была близка к судьбе моих предков, можно установить, что причиной ссылки было недовольство крестьян повышением продовольственного налога в январе-феврале 1930 года вплоть до изъятия семенных запасов и насильственная коллективизация. Крестьяне, как могли, сопротивлялись. Хлеба оставалось на еду для семьи и на посев. Изъятие этого запаса означало голодную смерть.

Из книги С.Красильникова «Серп и молот»:

Количество крестьянских выступлений и количество участвующих против насильственной коллективизации в 1930 году возросли в 10 раз по сравнению с 1929 годом. Первоосновой для протестов было ущемление и подрыв традиционных экономических и бытовых устоев и интересов крестьянства. Крестьянство оказывало сопротивление и чрезмерному изъятию продукции подсобного хозяйства, и методам проведения этого изъятия. Обобщающие цифры таковы: в ноябре 1929 – январе 1930 г. в стране насчитывалось 635, в феврале–апреле 1930 г. — 9568, в мае–июле 1930 г. — 2787 массовых выступлений.

Напомним, что первичным толчком и основанием для проведения репрессий и классификации репрессированных стала ди-

ректива (постановление) Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». К первой категории относился «контрреволюционный кулацкий актив», ко второй — те, которые «подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края», к третьей — «оставляемые в пределах района кулаки, которые подлежат расселению на новых отводимых им за пределами колхозных хозяйств участках».

Таким образом, мои предки относились ко второй категории кулаков и подлежали высылке в отдаленные местности. Так в СССР появились спецпереселенцы.

В книге жертв политического террора СССР в ИЦ ГУВД Тюменской области имеется следующая запись (она была сделана, когда моего деда и прадеда уже не было в живых):

Канашев Дмитрий Петрович. Родился в 1929 году в д. Пашнино, Челябинский р-н Челябинская обл.; русский; проживал: п. Шибаново, Челябинский р-н, Челябинская обл. Приговорен: в 1930 г. Приговор: спецпоселение – Подгорный Микояновский р-н Тюменской обл., освобожден 25.06.1949. Реабилитирован 13 мая 1994 г. (ИЦ УВД Челябинской обл.).

Канашев Андрей Петрович. Родился в 1924 г., д. Пашнино Челябинский р-н Челябинская обл.; русский; проживал: п. Шибаново, Челябинский р-н, Челябинская обл. Приговорен: в 1930 г. Приговор: спецпоселение – Подгорный Микояновский р-н Тюменской обл., освобожден 25.06.1949. Реабилитирован 13 мая 1994 г. (ИЦ УВД Челябинской обл.).

Канашев Петр Петрович. Родился в 1917 г., д. Пашнино Челябинский р-н Челябинская обл.; русский; проживал: п. Шибаново, Челябинский р-н, Челябинская обл. Приговорен: в 1930 г.

Приговор: спецпоселение – Подгорный Микояновский р-н Тюменской обл., освобожден 25.06.1949 Реабилитирован 13 мая 1994 г. (ИЦ УВД Челябинской обл.).

Канашева Анна Ивановна. Родилась в 1894 г., д. Пашнино Челябинский р-н Челябинская обл.; русская; проживала: п. Шибаново, Челябинский р-н, Челябинская обл. Приговорена: в 1930 г. Приговор: спецпоселение – Подгорный Микояновский р-н Тюменской обл., освобождена 25.06.1949. Реабилитирована 13 мая 1994 г. ИЦ УВД Челябинской обл.

Дед и прадед на момент учета репрессированных уже умерли и учету не подлежали. Претензий предъявить не могут.

Имущество семьи Канашовых (мельница, пекарня, дом, дворовые постройки, скот, сельскохозяйственный инвентарь, бытовая утварь, одежда) было конфисковано. Разрешили взять с собой только инструмент (пилы, топоры, лопаты). Для переселения десятков тысяч людей требовались огромные затраты на транспорт, проживание, пропитание, лечение. Позднее, уже на следующий 1931 год, власти поняли свою ошибку и решили, что лучше разрешить взять с собой тягловую силу, теплую одежду, домашнюю утварь, чтобы переселенцы самостоятельно обслуживали себя и в дороге, и на поселении.

Сначала наших сосланных на подводах с личными вещами и инструментом под надзором милиционеров перевезли на ст. Полетаево (теперь крупный железнодорожный узел). До станции Полетаево от д. Шибаново не менее 100 км, значит, где-то в дороге пришлось ночевать. В Полетаево погрузили в вагоны и отправили в неизвестность. Можно себе представить, каково было русским работающим мужикам переносить такое унижение. По железной дороге в холодных товарных вагонах (февраль месяц!) на нарах с печкой-буржуйкой в центре вагона и с

единственным фонарем доехали до Тюмени. Вагоны охранялись, отлучиться было невозможно. Дети ходили по большому и малому в ведро, взрослые терпели до очередной станции. В некоторых вагонах для исправления нужды прорубали дырку в деревянном полу. В Тюмени ссыльных разместили на вокзале, частично на квартирах. Выдали питание. После организации транспорта опять пересели на подводы и с остановками и ночевками в сибирских поселках добрались до Тобольска. Дети и женщины ехали на подводах, мужчины шли пешком. Охрана размещалась на санях в голове и в хвосте обоза. Местные жители в сибирских поселках относились к ссыльным сочувственно. Возможно, дорога проходила через село Алымка, где проживала Нестерова Мария, девушка 16 лет. В Тобольске всех расквартировали в здании семинарии, в котором были заранее подготовлены трехъярусные нары из досок: индустрия репрессий набирала обороты. Нары были перегружены, были случаи их обрушения. В Тобольске жили до открытия навигации. Чем кормили детей, чем кормились сами, неизвестно. В среднем течении Оби ледоход проходит в конце мая, на Тоболе – Иртыше – в начале июня. Следовательно, в путь отправились с открытием навигации в начале июня, не раньше. Пароход назывался «Гусихин». Вряд ли кто-нибудь помнит, кто такой Дмитрий Гусихин. Это был, как я позднее выяснил, один из участников организации Обь-Иртышского пароходства в 1894-1923 годах.

Снова цитата из книги С.Красильникова «Серп и молот»:

Судьба спецпереселенцев является одной из самых страшных страниц в истории советского государства. Миллионы оторванных от своей родины людей без суда и следствия были депортированы в отдалённые районы СССР в годы т. н. «коллективизации» и «индустриализации». Лишённые средств к суще-

стнованию, раздетые, голодные, они были обречены на гибель. Переселенцев выбрасывали в тайгу, болота, в места, где не ступала нога человека, вдали от населенных пунктов. И там они начинали создавать посёлки, которые, по замыслу устроителей, должны были быть изолированы от деревень, в которых проживали местные жители. Всякая помощь депортированным считалась преступлением или недозволенным деянием. Смертность среди переселенцев была значительно выше, чем в лагерях, хотя бы потому, что среди них было много детей и стариков, которые и умирали первыми. Примером отношения к репрессированным может служить знаменитая Назинская трагедия — более поздние события мая-августа 1933 года на острове Назино в Александровском районе Томской области. Необходимо только отметить, что в этом случае репрессированными были жители Москвы и Ленинграда, вина которых заключалась в том, что они были нарушителями паспортного режима. Будучи городскими жителями, они, конечно, совершенно не были подготовлены к существованию в суровых условиях.

Продолжим дальше наше повествование о семье Канашовых. Таких трагических случаев, как на острове Назино, в Микояновском районе не было. Все-таки крестьяне, привыкшие к труду на земле, были более приспособлены к выживанию, чем городские жители. Первая партия кулаков на территорию Микояновского района прибыла в марте 1930 года в количестве 506 человек (97 семей). Раскулаченные крестьяне расселялись в основном по берегам Оби. Ими были основаны и застроены спецпоселения: Перегребное, Быстрый, Андра, Б.Камень, Осиновка, Подгорное, Заречное, Карымкары, Каменный, Лорбинский. В районных архивах сохранился план разбивки и перечень пунктов высылки 750-ти семей спецпереселенцев по Сургутскому и Березовскому району (территория Микояновского

района в те годы входила в состав Березовского). Вот какой был расклад по поселкам Микояновского района: Перегребное – 55, Шеркалы – 60, Андра – 40, Половинка – 5, Большой камень – 30, Осиновка – 30, Подгорное – 30, Карымкары – 35, Устрем – 35 семей. Итого на территории Микояновского района поселилось 350 семей репрессированных. Машина репрессий здесь работала эффективно, без сбоев.

Судьба большинства репрессированных была трагичной. Родителей моего школьного приятеля Федора Пасынкова также везли много дней на барже, и в сентябре 1930 года они (числом до 16-ти семей) были высажены на пустой берег Оби (ныне Старое Перегребное), где стоял только домик бакенщика. Вслед ссыльным на берег выкинули несколько мешков муки, какой-то инструмент и со словами «... ройте землянки, скоты, а то быстро сдохнете...» – отчалили. На руках у бабушки моего друга остались малолетний Володя (его дядя и отец Коли Пасынкова) и его будущая мать, Татьяна, девочка одиннадцати лет. Первую зиму провели в норах, вырытых на крутых берегах Оби. Дедушку привезли позже. В очередной раз власти прибыли только в мае следующего года, чтобы зафиксировать смерть врагов народа. В первый же год погибла половина членов семей. Позднее, когда я познакомился с семьей Пасынковых, я видел, как трудно они жили.

Партию ссыльных, в составе которой были Канашовы, на пароходе «Гусихин» доставили в д. Б-Атлым Микояновского района тогда еще Омской области (теперь эти территории принадлежат Тюменской области). Пароход остановился в д. Сотниково, и до Б-Атлыма нужно было идти пешком около шести километров вдоль речки Батлымки. В Б-Атлыме семьи разместили в частных домах, а мужиков «угнали» (так тогда выражались) в район будущего спецпоселения валить лес, корчевать пни, рас-

чищать место для строительства, строить землянки и бараки для проживания семей. Наиболее тяжелой работой было корчевание пней. Фото внизу взято с сайта о спецпереселенцах. Не выполнив задание, не уходили с корчевки. Многие падали в голодные обмороки. Позднее подвезли инструменты (пилы, топоры, лопаты) и кой-какую технику. На всю бригаду была одна маховая продольная пила для разделки бревен на доски, и ту позаимствовали в Б-Атлыме. Мужчины готовили строевой лес, женщины и подростки рубили и жгли сучья, драли мох для утепления домов, поднимали на крышу землю.

Заготовка леса в тайге спецпереселенцами. Начало 30-х годов

Подобная судьба выпала и на долю семьи Вишняковых, членом которой был один из моих лучших друзей Юра. Об этом бесстрастно написал в своей книге «Рассказы» Вишняков П.А., мой учитель истории и директор Перегребинской школы.

Место было выбрано идеальное: на мысу, у основания южного склона горы (поэтому - Подгорное!). С одной стороны речка Батлымка, полная рыбы, с другой – величественная Обь. На фото 2012 года представлен вид местности, где располагалось

село Подгорное. Снимок сделан с Б-Атлымской горы, с балкона нового дома дочери Канашова Д.П. – Нэли. На переднем плане речка Батлымка, в которой мы в детстве ловили щурогаек, вдали – Обь. Низина весной заливалась водой, осенью была покрыта густой травой. Слева, в теперь уже заросшем лесном массиве, располагалось село Подгорное. Живи, рыбачь, охотничай, стройся и радуйся жизни! Но не все так просто в нашей стране.

**Б-Атлым. Вид на место, где располагался п. Подгорное, и на реку Обь.
Снимок 2012 года**

Обратите внимание, что в кадр попали строительные материалы для возведения нового дома. Нэля, внучка спецпереселенца Канашова Петра Павловича, и ее муж Михаил смогли завести свой неказистый деревенский бизнес (пекарня и продуктовый магазин), встали на ноги и смогли позволить себе построить собственный дом. Для этого нужно было в 1930 году у дедов отобрать дом, разорить все хозяйство, провести их через все

испытания и невзгоды, чтобы через 82 года внуки смогли построить себе такой же дом? Недалеко ушли.

Поселок Большой Атлым сам по себе тоже интересное место. По историческим данным, его основал в конце XIV века начальник зырянских волхвов, живших в столице Вымских князей Княж-Погосте, но изгнанный с родины крещеными зырянами, некогда могущественный Пам-Сотник. Не приняв христианства, он вместе со своими людьми и еще несколькими семействами перешел через Урал. Облюбовав два красивых холма километрах в трех от Оби, в устье речки Атлымки, они построили городище, обнеся его высоким плотным листовенничным тыном. По притокам реки Атлымки (Малый Моим, Большой Моим, Похра, Тар – Ешь) жили хантыйские племена. Места жительства делились на летние и зимние юрты. Каждая семья жила в своем родовом уголье. Занимались традиционными видами деятельности: оленеводство, охота, рыбалка, собирательство. В 1902 г. купец Андреев построил двухклассную школу, обучение в которой было платным. После провозглашения Советской власти на Севере в 1918 году в Б-Атлыме был создан сельревком. В 1922 в п. Кондинске состоялся II съезд, на котором было принято решение: ликвидировать неграмотность среди населения. В этом же году была открыта советская школа в селе. В 1927 году жители села организовали коммуну, но вскоре она распалась. И только в 1930 году был организован колхоз, который единодушно было решено назвать в честь «вождя всех народов» И.В. Сталина. Позднее, после объединения с другими колхозами, он был переименован в рыбколхоз имени С.М. Кирова. Мой дядя Петр Петрович Канашов позднее работал там бухгалтером. Рыба была главным источником существования. Если в 1925 г. было добыто 8 тонн рыбы, то в 1939 – уже около 40 тонн! Вся рыба сдавалась государству. По-

литика государства сводилась к тому, что местному населению (ханты и манси) как коренному народу предоставлялись все полномочия в части хозяйствования на реке и в лесу, приезжие должны были получать разрешение, а ссыльным не разрешалось практически ничего, кроме возделывания своего огорода. В дальнейшем это обстоятельство сыграет роковую роль для нашей семьи Канашовых.

Спецпереселенцы (1930 – 1941 гг.)

К зиме перебрались в Подгорное, кто-то в бараки, большинство в землянки. Жизнь в Подгорном была организована под управлением комендатуры. Комендант был представителем Советской власти и обладал неограниченными полномочиями. На самом деле советской власти в сегодняшнем понимании не было: такое учреждение как сельский Совет в спецпоселениях не предусматривалось и отсутствовало вовсе. И комендант руководствовался ведомственными постановлениями и приказами, т.е. ОГПУ и «революционной» целесообразностью. Все дела спецпереселенцев разбирались органами ОГПУ во внесудебном порядке. Разработчиком такой модели спецпоселения, как теперь установлено, был зам. Председателя ОГПУ Г.Г. Ягода. В записке от 11 января 1930 года в Коллегию ОГПУ Ягода писал: «злостных – в лагерь, семья выселяется, кулаков – на спецпоселение и т.д.». Не прошло и 20 дней, как вышла знаменитая директива Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В марте 1930 года эта директива Политбюро ЦК была оформлена в виде серии постановлений ЦИК и СНК СССР. Таким образом, схема принятия решений была такова: первичная идея ОГПУ – затем одобряющее решение Политбюро ЦК ВКП(б) – и далее постановление (закон) ЦИК и СНК. Реализация этих постановлений была отдана на откуп тому же ОГПУ. Без одобрения усатого подобная схема была бы невозможна. Репрессивные акции начались даже раньше принятых постановлений ЦИК и СНК: мои предки были выселены в феврале 1930 года, а в виде законов эти решения появились

только в мае. Идея Ягоды получила свое творческое развитие: «кулаки» должны были расселяться на необжитых землях (с целью освоения природных богатств, рыбы, леса, недр) поселками без сельсоветов. Вся выработанная ими продукция должна была передаваться государству. Полпред ОГПУ по Сибири Л. Заковский писал: «Установить нормы производительности труда для всего трудоспособного населения в 1,5–2 раза выше существующих; установить оплату труда в 50% от существующей». Нетрудно догадаться, что все затраты государства на переселение «кулаков» окупались в течение 2–3-х лет: они были возвратными.

Первый дом был построен для коменданта и его семьи. Самый первый барак на 4 семьи построили мужики Канашовы, объединившись с близкими семьями Пермяковых и Кадочниковых, в 1931 году, т.е. на следующий год после прибытия на поселение. Барак представлял собой сруб с крышей, крытой горбылем и корой. Поскольку кирпича не было, для каждой семьи в бараке строили глинобитную печь. Позднее, когда появился кирпичный завод, печи заменялись на кирпичные. На печи готовили пищу, сушили промокшую одежду. Дома строили из сырого леса: сушить древесину было некогда. В первую зиму помещения отсырели, потекло с потолка, со стен и окон. В нашей «четвертушке» разместилось 6 человек: прадед, дед, бабушка и трое сыновей. У соседей Пермяковых было 7 человек. Кадочниковы двумя семьями занимали вторую половину дома, у них народу было еще больше.

Прежде, чем позволить себе заботиться о пропитании семьи, каждый работающий мужчина должен был выполнить норму выработки на лесозаготовках. Лишь только после этого можно было работать на себя. Хлеб выдавали по карточкам в зависимости от выработки. Такая система мало чем отличалась от ла-

геря. Разница заключалась в том, что эксплуатировалась вся семья, а не один заключенный. Женщинам устанавливали нормы сбора грибов и ягод. Использовалась система штрафов: провинившимся задерживали выдачу карточек.

Люди ходили опухшие или худые, истощенные от голода. С наступлением холодов жизнь спецпереселенцев стала еще сложнее. Рваные, почти босые, они выходили на работу в суровый мороз, где получали обморожения и увечья, многие замерзали и умирали от холода. В первую очередь умирали старики и дети.

Для заготовителей леса в тайге были построены специальные бараки. Домой в поселок разрешалось приходить раз в неделю – в баню. Кроме заготовки дров для пароходов и строительного леса изготавливали деревянные бочки, ящики, неводники, лодки, весла, гребни, гнули дуги для упряжи, делали сани и кошевки. Все находилось под строгим комендантским контролем. Раз в неделю каждый спецпереселенец лично, включая детей, должен был отмечаться у коменданта Чекисова. Тяжелые условия проживания толкали людей на побег. Судьба большинства беглецов неизвестна, других возвращали, сажали в каталажку – холодное помещение без окон.

Работая с раннего утра до темноты, спецпоселенцы часто вообще не получали никакой зарплаты, поскольку суммы, которые им начислялись, были ниже тех, которые удерживала администрация за постройку бараков, за предоставленные инструменты, государственные займы и т. д. Им выдавался минимальный паек продовольствия, установленный правительством. Работающие мужчины и их семьи голодали, питались разными суррогатами, добавляя в муку мох, кору деревьев, труху перетертого сена, опилки. Как рассказывал отец, ели вареную

картофельную шелуху. Об этом он проговорился случайно, когда я учился в 5-6 классе. Как-то мы готовили для нашей коровы еду (пойло) в эмалированном ведре. Еда заключалась в смеси перетертых вареных картофельных очистков и отрубей, залитой теплой водой. Эту смесь нужно было руками перемешать и отнести корове. Отец смотрел, как я перемешиваю пойло, и неожиданно сказал: «А знаешь, в 30-е голодные годы мы такую еду почитали бы за счастье». «Разве вы голодали?» – спросил я. «Еще как голодали...». Больше он никогда на эту тему не распространялся.

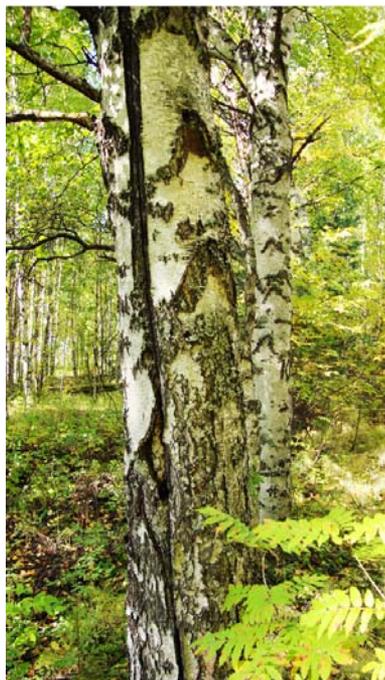
Права спецпоселенцев, так же, как и заключенных, определялись произвольно, в основном в сторону ущемления; ведомственные инструкции ОГПУ были сильнее актов высших органов государственной власти, которые тоже ограничивали права спецпоселенцев. Спецпоселенцы не имели права покидать поселение, самовольная отлучка рассматривалась как государственное преступление. Спецпоселенцы не имели избирательных прав (государство боялось голоса крестьянства!), не имели права собраний без разрешения, облагались налогом 25 % (позднее 5 %) для поддержания репрессивного аппарата, принуждались к обязательному труду, были обложены системой штрафов, полностью зависели от произвола коменданта, а материально были поставлены на грань выживания. В 1935 году закончился пятилетний срок ссылки бывших кулаков. Все ссыльные и члены их семей были объявлены восстановленными в избирательных правах, но выезжать с места ссылки им по-прежнему не разрешалось, паспорта не выдавались. Взрослые по-прежнему находились под опекой НКВД и считались врагами советской власти.

Спецпереселенцы были восстановлены в правах и освобождены только в конце 50-х годов во время хрущевской «оттепели»,

а реабилитированы – в середине 90-х годов, во время горбачевской перестройки. Большинство из них – посмертно.

Летом связь между поселками осуществлялась по реке, главным образом на лодках. Пароходы останавливались только в крупных поселках: Карымкары, М-Атлым, Б-Атлым, Кондинское, Шеркалы, Перегребное. Зимой добирались санным путем по замерзшей реке или по берегу. В период распутицы поселки были отрезаны друг от друга. Завоз грузов (стройматериалов, товаров, продуктов) производился главным образом летом на баржах.

В 1932 году построили семилетнюю школу (!), и отец на следующий год пошел в первый класс. Ему уже было к тому времени 9 лет, все остальные первоклашки были младше (в школу принимали с 8 лет). Во дворе школы была посажена знаменитая березовая аллея. Даже я помню ее с детских лет в начале 50-х годов, когда приезжали в короткие дни отдыха из Сотниково. Ныне сохранились только ее останки, утонувшие в новом лесу. Фото я сделал в 2012 году, посетив родные места. В 1960 году подгоринская школа была разобрана и перевезена в Б-Атлым.

Остатки березовой рощи, посаженной ссыльными переселенцами в школьном дворе

Несмотря ни на что, в итоге в поселке появились три опрятных улицы, всего насчитывалось около 80 домов с палисадниками и приусадебными участками. В поселке, кроме школы, было два магазина, детский сад, медпункт, колхозная контора, клуб, пожарная каланча, склады. Был организован колхоз «Заря», бессменным председателем которого был Бахирев Александр Петрович. Колхоз поддерживал животноводство, звероводство, выращивали сельхозпродукты, добывали рыбу.

В 1932 году произошло событие, которое оставило семью Канашовых без кормильца. Чтобы прокормить семью, зимой 1932 года дед выпросил у местного жителя (ханты) ружье, чтобы пострелять дичи. Об этом узнал комендант и усмотрел нарушение правил проживания в спецпоселении. Дед был арестован и подводой под охраной отправлен на предварительное заключение в Березово (район был еще Березовский и центральные органы находились там). Вскоре состоялся суд, который оправдал деда: не существовало закона, запрещающего спецпоселенцам охотиться в тайге. Дед был оправдан, освобожден и отпущен на все четыре стороны. На обратную дорогу транспорта предоставлено не было. 300 км по зимней дороге – не шутка! Без денег, без приличной одежды дед самостоятельно добирался от поселка к поселку, подрабатывая, где можно и ночуя на постоянных дворах. Добирался почти месяц, по дороге простыл и, когда вернулся домой, через несколько дней в возрасте 45 лет скончался. Бабушка осталась с тремя сыновьями, прадеду к тому времени уже было 67 лет, и работник он был не тот, что прежде.

И без того плохое питание ухудшилось настолько, что стали болеть и малые, и старые. В 1934 году от цинги умер и прадед. Бабушка Анна осталась одна – без профессии, без работы, без средств к существованию. Детям было: Петру-инвалиду – 17

лет, Андрею – 10 лет, Дмитрию – 5 лет. Подрабатывала уборщицей в школе, мыла полы в комендатуре, обстирывала других жителей спецпоселения за кусок хлеба. Спасала также швейная машинка, привезенная с собой в 1930 году из Шибаново (она до сих пор хранится у нас и до сих пор работает). Бабушка шила и вязала необыкновенно красивые декоративные мережки. Дети кормились в лесу и на реке. Выжили!

Бабушка Анна умерла в 1983 году в п. Заречное. Мне удалось посетить ее перед самой смертью, когда она лежала в больнице. К тому времени она уже окончательно ослепла, и за ней присматривала внучка Нэля. Наша встреча была короткой: мы только подержали друг друга за руки.

В 1940 году отец окончил 7 классов Подгоринской неполной средней школы. Подал заявление и документы в Омское педучилище, но у матери не было средств на его дальнейшее обучение. Работал в подгоринском колхозе «Заря»: летом на рыбалке, а зимой – на лесозаготовках (две зимы). В первую зиму работал на лесоучастке в Лорбе, а вторую – в Хугорте на луговой стороне Оби за Поснокортом.

Прошли годы. Большая часть бывших переселенцев после освобождения уехала на историческую родину, остальные, в том числе семьи Петра Петровича и Дмитрия Петровича, в

**Поклонный крест на месте села
Подгорное**

начале 50-х годов перебрались в Б-Атлым. Село опустело, заросло лесом и кустарником. Теперь на месте села Подгорного стоит поклонный крест.

В семье Петра Петровича было трое детей: Леонид, Лидия и Владимир. Первый сын Сергей умер еще в Подгорном. У Дмитрия Петровича детей было еще больше – Нэля, Сергей, Сергей, Лена и Алеша. Один из Сергеев был усыновлен немцами и увезен в Германию. Когда в семье родился еще один мальчик, его тоже назвали Сергеем. Сейчас отношения поддерживаю с дочерью Дмитрия Петровича – Нэлей.

Наиболее близким мне человеком был брат Леонид. Все летние месяцы, когда я приезжал в Б-Атлым, мы проводили вместе, а в 1964-66 годах учились в одном классе Октябрьской средней школы. Его дети (Андрей, Наталия и Анна) после окончания институтов перебрались в новый город нефтяников Нягань. Я был там в 2012 году и порадовался за них: все они прочно встали на ноги. Двоюродный брат Володя построил себе дом под Тюменью и в 2013 году, после выхода на пенсию, переехал туда.

Реабилитация

Первой ласточкой в процессе реабилитации стало Постановление Совмина СССР от 1 августа 1954 года «О снятии некоторых ограничений в правовом положении спецпереселенцев». Постановление не предусматривало ни выдачи компенсаций, ни возвращения имущества, особенно недвижимого, конфискованного при выселении, ни, тем более, возмещения морального ущерба. Предусматривалось только снятие с них ограничений по спецпоселению, но никто не получил легитимного права возвратиться на историческую родину. Только в 1959 году жизнь спецпереселенцев изменилась в лучшую сторону. Было принято решение о денежной оплате труда, отменена система трудодня, отменен налог на личное подсобное хозяйство, колхозникам стали выдавать паспорта. Началась массовая реабилитация незаконно осужденных и расстрелянных людей сталинского террора. Процесс реабилитации активизировался в годы перестройки. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 года «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв политических репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х годов» было реабилитировано более миллиона человек. Полноценный процесс реабилитации начался после подписания Указа Президента СССР 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20-х - 50-х годов».

В 1994 году все члены семьи Канашовых Комиссией при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий были реабилитированы. Через 2 года по

сле реабилитации отец сделал запрос в районный архив относительно семьи Канашовых, и был получен ответ.

Российская Федерация
 Администрация
 Октябрьского района
 Ханты-Мансийского
 автономный округ

**МЕЖВЕДОМСТВЕННЫЙ
 АРХИВ
 ПО ЛИЧНОМУ СОСТАВУ**
 " № 113 1996 г.
 № 113
 626250, р.п. Октябрьское,
 ул. Калинина 39 "А".
 Тел.: 5-77

АРХИВНАЯ СПРАВКА

Октябрьский районный государственный межведомственный архив по личному составу, Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области настоящим подтверждает, что в книге переселенцев Мало-Аллынского сельского Совета д. Подгорный за 1933-1945 гг., имеются сведения о проживании семьи Канашовых в следующем составе:

- 1/ Канашов Петр Павлович 1888 года рождения.
- 2/ Канашова Анна Ивановна 1894 года рождения, жена.
- 3/ Канашов Петр 1917 года рождения, сын.
- 4/ Канашов Андрей 1924 года рождения, сын.
- 5/ Канашов Дмитрий 1929 года рождения, сын.
- 6/ Канашов Павел Константинович 1866 года рождения, отец.

Высланы из деревни Шибаново, Думовского сельского Совета Челябинского района, Челябинского округа.

архивом по личному составу *Мотошина* Р.П. Мотошина
 ариус *Л. Колташкова* Л. Колташкова

Архивная справка о семье Канашовых

Война (1941–1945 гг.)

Война коснулась каждого с первых дней. Однако спецпереселенцев и их взрослых детей, как «классово чуждых», в первые дни в армию не призывали. И лишь только спустя десять месяцев после начала Великой Отечественной войны, когда Красная Армия понесла огромные потери, а немецкие войска уже рвались к Дону и на Кавказ, в Кремле, наконец, решились призывать на фронт сыновей раскулаченных крестьян. Постановлением Государственного комитета обороны СССР от 11 апреля 1942 года № 1575 предписывалось органам НКВД: «Призывать в армию 500 тысяч человек, годных к строевой службе, из трудопоселенцев». Другим постановлением ГКО от 26 июля 1942 года № 2100 объявлялся еще один «особый призыв» общей численностью до 500 тысяч человек. Партийным комитетам было предписано провести мобилизацию репрессированных советской властью крестьян под видом патриотического добровольного движения.

7 августа 1942 года, когда отцу еще не исполнилось 18 лет (день рождения в октябре), вместе с одноклассниками 1924 года рождения, он получил повестку на призыв в Красную Армию. 9 августа вся группа призывников уже была в военкомате районного центра Кондинское (ныне Октябрьское). В августе того же года в Остяко-Вогульске (ныне Ханты-Мансийск) получил повестку и отец моего друга Юры Вишняков Петр Александрович, будущий директор моей школы в Перегребном.

Поскольку родители отца и он сам относились к категории спецпереселенцев, они были ограничены министерством внутренних дел в правах в части перемещения. Т.е. они не могли

самовольно или даже по приказу военкомата покинуть территорию с. Подгорное. Поэтому вместе с повесткой о призыве отец получил справку МВД о том, что он освобожден из спецпоселения: начальник Октябрьского районного отделения милиции капитан Н.Токарев разрешил покинуть спецпоселение для несения службы в рядах Красной Армии. Справка была подготовлена заранее, в июне 1942 года. К сожалению, сохранился только восстановленный экземпляр справки, взамен утраченной. Справка подчеркивала, что она видом на жительство служить не может. Т.е. по окончании военных действий или службы в рядах Красной армии, если останешься живой, нужно было снова вернуться на спецпоселение. И даже дальнейшее восстановление трудпоселенцев в гражданских правах не давало им права выезда из мест поселений – власти боялись массового возврата людей на свои родные земли.

Справка-освобождение Канашова А.П. от спецпоселения

За 2-3 дня прошли медкомиссию, и на колесном пароходе «М.И. Калинин» призывников доставили в окружной центр Ос-

тяко-Вогульск. Там тоже долго не задерживались, снова прошли медкомиссию при окрвоенкомате и примерно неделю занимались военной подготовкой. 22 августа сформированные группы, как и прежде – по реке, доставили в областной центр Омск (в те годы территория Кондинского района принадлежала Омской области, передача в Тюменскую область состоялась позднее, в годы войны). В Омске располагался пересыльный пункт. В пересылке отец был направлен в хозяйственный взвод, т.к. он умел починять обувь (подшивать кожаные бродни и валенки). Также починял сбрую для Красной конной армии: хомуты, узды, шлейки. В хозяйственном подразделении пробыл 2 месяца, после чего был сначала направлен в пункты формирования учебных подразделений «Черемушки», которые располагались в 20 км от Омска, а затем – в учебный батальон в г. Бердске. В Черемушках рыли землянки (был уже месяц ноябрь) и в них жили недели две, ожидая отправки в учебный батальон.

С декабря 1942 по май 1943 года находился в 1-ом учебном стрелковом полку в минометной роте 82-мм минометов.

В январе 1943 года приняли присягу и всем полком были отправлены на Сталинградский фронт (к тому времени переименованный в Южный фронт, позднее, в октябре 1943 года – в 4-й Украинский фронт). К этому времени Сталинградская операция «Уран» по разгрому армии Паулюса уже была завершена. Добивали остатки гитлеровских войск, рассеянные по степи.

82-мм миномет

операцию (1943 г.), освободили Донбасс, прорвали оборону противника на реке Молочная, вышли к низовьям Днепра и к Крыму, захватили плацдарм на южном берегу Сиваша и блокировали с суши крымскую группировку противника. 20 октября 1943 года Южный фронт был переименован в 4-й Украинский фронт.

13 июня 1943 года в одном из первых боев отец был ранен в голень правой ноги осколком от разорвавшейся мины «Ванюша» (шестиствольный немецкий миномет). Три месяца пролежал на станции Морозовская (сейчас город Морозовск). За это время Южный фронт ушел в направлении на Ростов.

Шестиствольный немецкий миномет «Ванюша»

После госпиталя отец был направлен на 3-й Украинский фронт, уже в качестве артиллериста. Сначала был наводчиком, а затем командиром орудия 76-мм пушек – полковых и пушек противотанкового дивизиона (фото взято из интернета). 41-й отдельный истребительный противотанковый дивизион 76-мм пушек прошел по Сальским степям до г. Сальска, далее на Батейск, Ростов-на Дону, Новочеркасск, Шахты, Краснодар.

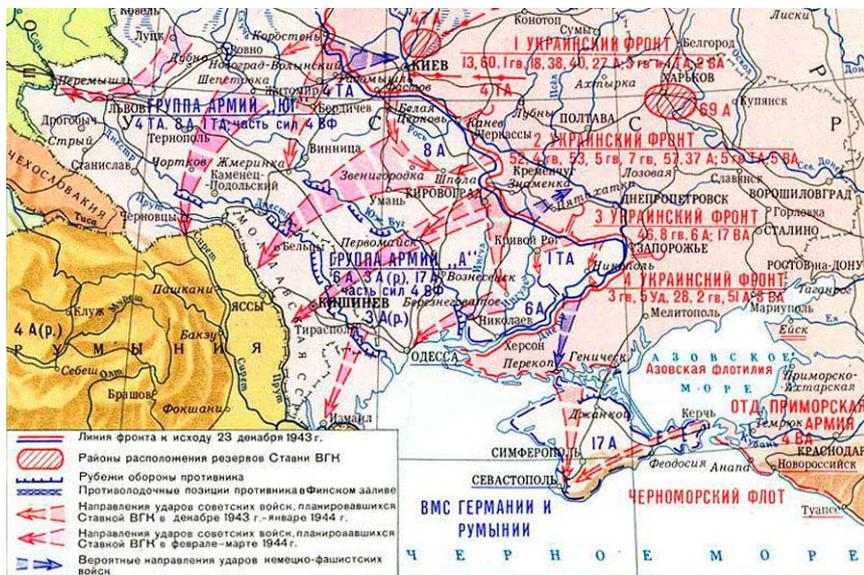

76-мм пушка – самое распространенное артиллерийское орудие ВОВ

**Карта военных действий на Южном и Украинском фронтах
в конце 1943 года**

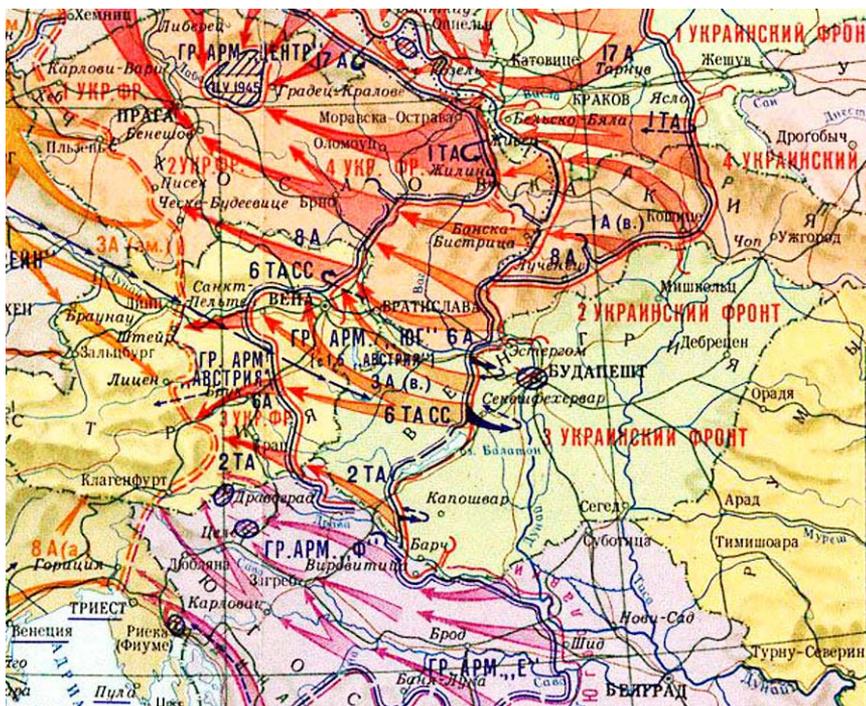
К тому времени был освобожден Ворошиловград (ныне Луганск). От Ворошиловграда фронт пошел на Сталино (ныне Донецк) через станции Перевальск, Дебальцево, Енакиево, Горловка, Макеевка. Далее – Днепропетровск, Запорожье, Кривой Рог, Николаев, Одесса, Тирасполь.

Карта военных действий на Украинском фронте в начале 1944 года

На реке Днестр в районе Тирасполя фронт в течение двух месяцев формировался практически заново, готовился к наступлению. Из Тирасполя пошли на Кишинев, далее пересекли советско-румынскую границу, вступили на территорию Румынии и пошли вдоль границы на г. Плоешты. В Плоешты артиллеристов совместно с пехотой посадили на баржи и морские катера и повезли вверх по Дунаю в Болгарию. Но в Болгарии воевать не пришлось – болгары, как пишет отец, сами взяли на себя освобождение своей территории. Города, в которых бывали в Болгарии, отец не помнит. После завершения боевых действий в Болгарии обратным путем подразделения вернули в Румынию (отец пишет, что вернулись по Дунаю и по Черному морю, но чтобы вернуться в Румынию, не обязательно выходить к морю). После Румынии участвовал в освобождении Венгрии (в том числе и Будапешта). Далее путь проходил через Югославию, Австрию, Чехословакию. Победу встретил в Праге. Война

(скорее, боевые действия на западном фронте) закончилась для отца 13 мая 1945 года.

Карта военных действий на Украинском фронте в конце 1944 года

Ниже приведено фото, сделанное в одном из фотоателье сербского города Субботица, когда они были в увольнительной. Отцу на фото 20 лет. Декорации на заднем плане нарисованы. Автомат в руках тоже декоративный (камуфляж). Во-первых, отец был артиллеристом, а во-вторых, никто бы не разрешил разгуливать по чужому городу с автоматом в руках. Но вид бравый. И надо сказать, что отец у меня был красивый. Мне очень нравится эта фотография.

Рядовой Канашов А.П. 1944 год. Югославия

После победы над Германией личный состав полка на ж/д вокзале Праги погрузили в вагоны и отправили в восточном направлении, не объясняя куда. Конечно, все надеялись, что возвращаются домой: проезжали Германию, Польшу, Белоруссию, в итоге прибыли в Москву на Белорусский вокзал. В первый день пребывания в Москве, воспользовавшись победной суматохой и отсутствием организации охраны, всем эшелоном дви-

нулись на Красную площадь. До этого никто не видел Москвы и, тем более, Красной площади. Все было в диковинку. Но до Красной площади добраться не удалось, поскольку к тому времени охрана всполошилась, догнала «голубчиков» (так пишет отец в своих воспоминаниях) и весь эшелон завернула обратно на Белорусский вокзал. Впоследствии состав стоял под охраной и никого никуда не выпускали. Всего стояли 5 дней, не больше.

Из Москвы состав продолжил движение в восточном направлении без объяснений. Поскольку большинство ребят были из Сибири, снова все дружно решили, что их отправляют по домам: война-то кончилась! Когда доехали до Горького, узнали новость, что полк направляется на войну с Японией. Все пали духом. Вся надежда была на то, что войны с Японией не будет. Так в итоге и вышло, но они об этом тогда не знали.

Отец рассказывал: «Проехали Челябинск, Свердловск, Тюмень, Омск, Новосибирск, Красноярск, Иркутск, Улан-Удэ. Проехали все побережье Байкала. Достигли Читы. В Чите гадали: если из Читы поедем под мостом, то, значит, дальше поедем в Монголию. Если по мосту, то на Дальний Восток. Поехали под мостом. В Монголии остановились в г. Чойбалсан. Выгрузились из вагонов и начали готовиться к пешему переходу».

Это был один из самых трудных эпизодов войны: шли через пустыню Гоби в течение полутора месяцев без воды и хлеба. Питались одним мясом артиллерийских лошадей без соли. Соли тоже не было. Тылы с продовольствием отстали. Жара в дневное время достигала 55 градусов, тени не было, спрятаться было негде, особенно в полдень, когда солнце в зените. Много ребят погибло от солнечного удара. Ночью – дикий холод: был уже август месяца.

Обратно таким же путем (через пустыню Гоби?) прибыли в Улан-Удэ, далее в Иркутск. В Иркутске производилось формирование части новым составом. Это формирование длилось 9 месяцев, после чего вся часть была передислоцирована в Тюмень. В Тюмени отец служил в рядах Красной армии до января 1946 года, когда отобранная группа артиллеристов и минометчиков (в том числе и отец) была отправлена в Омское танковое училище. Сначала учились на командиров танков, затем – на механиков-водителей. В результате после сдачи экзаменов доверяли самостоятельное вождение танков. 2 февраля 1947 года настиг приказ о демобилизации. Командование просило остаться на сверхурочную службу, но почти никто не остался (остались единицы). Хотя командование обещало по окончании курсов выдать права на вождение техники, чтобы на гражданке была возможность получить профессию тракториста. Но военные лишения и невзгоды, тяга быстрее вернуться домой оказались сильнее.

Домой добирался на почтовых перекладных, другого транспорта зимой не было. В марте 1947 года прибыл в окружной военкомат г. Ханты-Мансийска. Там тоже предлагали остаться в военкомате, в должности военрука. Однако отец не остался – тянуло домой (ему было на этот момент 22,5 года). 17 марта в п. Б. Леуши его встречал на колхозной лошади старший брат Петр. Не узнал брата, прошел мимо. По дороге домой заезжали к родным в М-Атлым, Заречное, и утром 19 марта прибыли в Подгорное. Нужно сказать, что в течение всей войны с Японией и потом в течение двух лет от отца не было весточек, почта работала плохо. Поэтому дома его считали без вести пропавшим: война закончилась в 1945, а вернулся только в 47-м. Считай, что с того света.

Из архивной справки Октябрьского районного архива о хранящихся документах: «В боевых действиях на фронтах Великой Отечественной Войны 1941-45 годов Канашов А.П. начал участвовать с января 1943 года. Принимал участие в освобождении государств Венгрии, Югославии, Чехословакии, Австрии. Имеет награды: орден Красной Звезды (номер ордена 1505955), медали за победу над Германией, за взятие городов Белграда, Будапешта, Брно, Праги, Вены, за участие в войне с Японией». В связи с ранением и контузией отцу было выдано удостоверение инвалида Отечественной войны. В дальнейшем было много послевоенных наград (медаль Жукова, юбилейные медали), когда Родина осознала подлинное значение этих лишений и роль молодого сибирского юноши в этой войне. В частности, в день 40-летия Победы в 1985 году отец был награжден орденом Отечественной войны I степени (номер ордена 599821).

Послевоенные годы (1945 – 1949)

Победа над фашистской Германией не принесла долгожданной свободы для бесправных спецпереселенцев. Наоборот, повсеместно наблюдалось ужесточение режима для всех категорий ссыльных. Был принят закон об уголовной ответственности за невыполнение минимума трудовых, за нарушение трудовой дисциплины, за недонесение, за самовольную отлучку, которая рассматривалась как побег (Постановление СНК СССР № 35 от 8 января 1945 г. «О правовом положении спецпереселенцев»). Государство продолжало обирать колхозников. Работая в колхозе, они практически ничего не получали за свой труд, крестьяне держались лишь на собственном хозяйстве. Каждое крестьянское хозяйство в качестве налога за земельный участок обязано было сдавать государству мясо, молоко, яйца, шерсть. Люди были лишены паспорта, что ограничивало свободу передвижения. На них не распространялась плата за временную нетрудоспособность, не было пенсионного обеспечения.

Оставшиеся в живых мужики возвращались домой. Налаживалась мирная жизнь. Образовывались новые семьи. Мужчин было мало, каждый был на счету. Конечно, отец, молодой, красивый (старший сержант-гвардеец!), пользовался успехом у изголодавшихся по ласке женщин. Как мне признавались некоторые женщины, ровесницы отца, они имели на него виды. К тому времени в п. Подгорное уже переехала работать в качестве учительницы начальных классов моя мать, в девичестве Нестерова Мария Анисимовна. У нее уже было трое детей (Владимен, Валерий и Миля), которых надо было кормить. В 1949 году 12 февраля, через месяц после моего рождения (я родился

15.01.1949), мои родители зарегистрировали брак. Жили в Подгорном, но когда подошла пора рожать, мать перевезли в больницу в Б-Атлым. Я не был сильно желанным ребенком. Родился мертвым, и стоял вопрос о том, стоило ли возвращать меня к жизни. Врачи не стали брать грех на душу, шлепнули по заднице, и я заверещал. Сохранилось здание больницы в Б-Атлыме, в которой я родился (на фото).

Здание больницы, где я родился. Фото сделано в 80-е годы

Конечно, воспоминания, оставшиеся от времен проживания в Подгорном и Б-Атлыме, самые смутные. Зрительно запомнилась Подгоринская школа, куда, видимо, меня часто брала с собой мать. Запомнилось высокое крылечко нашего дома и опрятные улицы, покрытые мелкой густой травой – вероятно, американской ромашкой без лепестков – с протоптанными тропинками. Сельхозтехники на улицах тогда не наблюдалось, поэтому травка была мягкой и девственно нежной. На ней можно было валяться сколько угодно. Запомнилось, как ходи-

ли в гости в семью Канашова П.П. Возможно, эти воспоминания остались от коротких приездов в Подгорное из Сотниково, куда мы позднее переехали. Сохранилось единственное фото нашей семьи тех времен, сделанное в 1951 году заезжим фотографом. Смотрю сейчас на свое фото: мне кажется, я был похож на бабушку Анну Ивановну.

Подгорное. Наша семья в полном составе

Скитания по Обскому северу (1949 – 1956 гг.)

Вообще, тема переездов – особая тема. В начале 50-х годов запрет на перемещение из спецпоселений был снят. Но государство в лице местной власти все равно распоряжалось людьми по-своему. Поскольку мать была учительницей и коммунисткой, она входила в сферу действия районного отдела народного образования (райОНО), который располагался в райцентре Кондинское (ныне Октябрьское). РайОНО считал вправе распоряжаться судьбой каждого учителя и, поскольку нужно было ликвидировать безграмотность в малых поселках Микояновского района, направило ее сначала в Сотниково, затем в Алешкино, затем в Проточные и, наконец, в Перегребное. Наша семья была вынуждена следовать за ней по всему району. Не надо объяснять, что каждый раз на новом месте нужно было строить жизнь заново: искать угол, обзаводиться мебелью, заготавливать дрова на зиму, делать запасы продуктов. У нас никогда не было своего дома. К тому времени мой старший брат Владилен (ему было уже 16 лет) уехал учиться в Свердловск в школу ФЗО на слесаря-механика, да так там и остался работать в секретном городе Свердловск-45.

Это обстоятельство в дальнейшем сильно повлияло на мою судьбу. Мне тоже нестерпимо хотелось работать на заводе (в те годы было много фильмов на тему заводской романтики), и мыслью я страстно рвался в далекий город Свердловск. Так и получилось потом, но попал я в Свердловск уже в другом качестве. Брату Валерию было уже 10 лет, т.е. он закончил начальную школу и вынужден был жить и учиться в интернатах больших поселков, где имелась хотя бы восьмилетняя школа

(Перегребное, Шеркалы). Таким образом, наша семья была разрознена, и я воспитывался практически один.

Позднее из рассказов многих своих знакомых я узнал, что у большинства специалистов (педагогов, агрономов, медицинских и торговых работников), не только спецпереселенцев, была подобная судьба. Государство через свои ведомства бесцеремонно распоряжалось людьми, используя их в своих интересах, как подневольных работников. Но не это меня всегда смущало. Мы верили, что живем в самой свободной стране и распевали песни: «Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек!». Почему? Как это случилось?

Продолжим наше повествование. Парадокс: отлично помню житие в Сотниково в 1953 году, но ничего не помню об Алешкино, хотя мы жили в Алешкино позже. В Сотниково мать работала единственной учительницей в начальной школе. В одной комнате учились ученики сразу всех классов – с первого по четвертый.

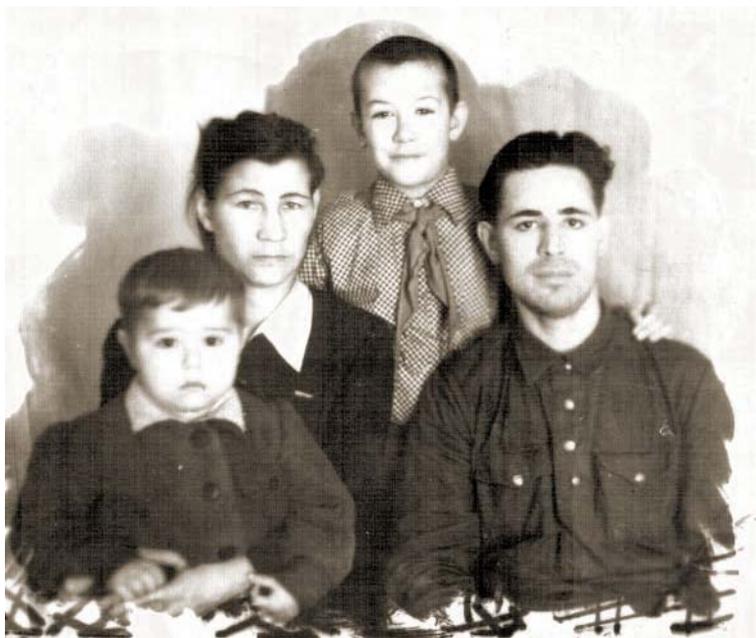

**Класс Сотниковской начальной школы, в котором преподавала
моя мать, Канашова М.А.**

В Сотниково помню наш дом, который стоял на склоне горы, и чтобы пройти к нему, нужно было подняться в гору. Мать и отец работали, меня попытались отдать в колхозный детский сад, но я оттуда систематически сбегал, поэтому продержался не более месяца. У моего сына Павла были те же наклонности – он сбегал отовсюду: из детсада, из пионерлагеря, из школы. Кроме того, мы, вечно голодные дети, ели все подряд, в частности, объели всю известку и глину со стен внутренних помещений детсада (вероятно, не хватало кальция) и тем нанесли урон колхозу. Меня стали запирают дома одного: четыре года – пора уже быть самостоятельным! На пол выкладывались все книги и журналы, какие были в доме, и я весь день ползал по ним, разглядывая картинки. Вечером, когда мать возвращалась из школы, она находила меня спящим на полу среди макулатуры. Отец рыбачил, поэтому возвращался, когда позволяла рыбалка. Однажды домашние сидения мне надоели, и я через окно вылез на улицу. Отправился к своим приятелям-калмыкам, которыми был наполнен поселок. Они (и мальчишки, и девочки) бегали в коротких сатиновых штанишках с разрезом сзади так, чтобы можно было справлять нужду, не снимая штанишек. Очень удобно. Но игра в это день закончилась неудачно: мне рассекли кирпичом лоб, и все лицо залило кровью. Друзья-калмыки от страха разбежались, и мне пришлось одному добираться до дому, который был еще заперт. Хорошо, по дороге меня встретила знакомая женщина. Она отвела меня в медпункт, где мне сделали перевязку. Когда вернулась из школы мать (ей уже сообщили об инциденте), я гордый с перевязанной головой сидел на крыльце. На лбу отметина осталась на всю жизнь. Помню еще один случай. Отец приводил в порядок сети, сидя дома у открытой печи. Нагревая напильник до белого каления, он прожигал отверстия в деревянных поплавах

(позднее стали использовать пенопластовые). Я бегал рядом. В какой-то момент он оставил раскаленный напильник на полу, и я, конечно, наступил на него. Можно представить, какой был рев. На подошве осталась вторая отметина. Часто бегали на берег, где мужики смолили лодки. Отколупывали от больших кусков кусочки вара – продукт переработки древесной или каменноугольной смолы – и жевали его. Зачем, не знаю. Вообще, все, что можно было, тащили в рот.

Иногда к нам приходили гости. По простоте душевной эти люди меня часто спрашивали: кого ты больше любишь – папу или маму? Этот вопрос меня всегда ставил в тупик: разве можно любить больше или меньше? Обоих люблю. Но гости непременно хотели добиться ответа. Я таких люто ненавидел. Фото внизу сделано в Сотниково.

Сотниково. Наша семья. Владик уже уехал учиться в Свердловск

Помню смерть Сталина в марте 1953 года. Событие воспринималось как нечто жуткое и страшное. Все плакали. Особенно мать. Ее семьи репрессии практически не коснулись. Думаю, что отец в то время уже кое-что понимал: в среде переселенцев наверняка были разговоры «на кухне» о прежней жизни и о теперешнем положении. Хотя кухонь у них не было. В спецпоселениях было много беглых, возвращенных и потом расстрелянных. Это невозможно было не заметить. Петр Петрович по своей инициативе вел книгу учета переселенцев: кто поступил на поселение, кто убыл, кто умер, кто родился. После его смерти я так и не смог найти эту книгу. Ее видели еще при жизни моего отца.

После войны была вторая волна переселенцев, организованная властью по национальному признаку. Ссылались целые народы: поляки, поволжские немцы, молдаване, украинцы и калмыки, о которых я говорил ранее. За период с 1930 по 1950 год, т.е. за 20 лет только в Микояновский район было сослано около 4000 человек. Их имена хранятся в архивах района, округа. Как и имена тех, кто в ссылке был расстрелян как враг народа. По данным книги С.Красильникова «Серп и молот» (изд. 2003 года), каждый десятый был расстрелян. Наша семья дружила со всеми народами: меня воспитывала татарка, бегал я по поселку с калмыками, учителями у меня были русские, молдаване и немцы.

Однажды мы всей семьей отправились на Урал в город, где работал мой старший брат Владик. Поскольку город Свердловск-45 был закрытым, мы остановились в соседнем городе Нижняя Тура. Где-то там же на Урале в это время работал и младший брат отца Дмитрий. Все вместе отправились в фотоателье. На фото внизу представлено сразу две семьи: моего отца и Дмитрия с его первой женой.

**Две семьи: Канашова А.П. и Канашова Д.П.
В верхнем ряду мои старшие братья Владилен и Валерий**

В юрты Проточные мать отправили, чтобы организовать начальную школу-интернат для детей местных жителей (ханты и манси). Юрты Проточные затерялись среди множества обских протоков, и добраться туда было непросто. Поскольку учеников в школе было не более двух десятков, было организовано всего два класса: 1-3 и 2-4. В каждом было по одному учителю. Таким образом, весь педагогический коллектив школы состоял из трех человек: одна заведующая (мать) и двое учителей. Мать иногда подменяла двух других. Отец был завхозом. Поскольку меня оставить было не с кем, я сидел тут же в классе и вместе с ребятами постигал грамоту. Дети местных хантов и манси, завезенные из соседних деревень, жили тут же, в этом здании. Условия проживания у них были лучше, чем у их учителей, пи-

тание было тоже неплохим. Видимо, в ближайших окрестностях были стойбища еще меньше, коль в маленьких юртах Проточных решили организовать школу-интернат. Наш дом, как мне теперь представляется, выглядел неважно.

Проточные. Наш дом

В юртах Проточных было всего три русских семьи: Канашовы, Поповы и Новицкие (переселенные поляки). Все остальные были местные ханты и манси, один из них выполнял функции шамана. Дом шамана стоял на окраине деревни, я был в нем: там пахло рыбой и печеным черным хлебом, которым они меня угостили. Хлеб пекли на дворе в подовых глиняных печах.

Григорий Павлович Новицкий был колоритной фигурой даже по нынешним временам: широкоплечий, с огромными руками, говорил басом, водку пил стаканами и не пьянел. Его жена Капитолина Ивановна заведовала медпунктом, а он сам, по моему, ларьком. У них было два сына – Володя и Виктор. Григорий Павлович приходил к нам в гости и заставлял меня чи-

тать вслух местную газету «Знамя коммунизма». Мне было уже 6 лет. Позднее я узнал, какая невероятно трудная судьба выпала этому жизнерадостному человеку. Где бы он ни появлялся, все вокруг подчинялось его обаянию.

Отец промышлял охотой в тайге на глухаря, куропаток, зайцев. Зайцев добывали зимой, устанавливая петли из стальной проволоки. Отец ежедневно на розвальнях совершал объезд всех установленных петель – что-нибудь, да попадалось. Однажды он взял меня с собой на осмотр петель. За ночь зайцы замерзли и становились жесткими, их кидали друг на друга в розвальни, меня садили рядом. Зайцы уже не воспринимались как умершие животные, а как добыча. Источником пропитания также была рыбалка, как зимняя, так и летняя. Зимой ставили под лед хитрые устройства, которые назывались «морды». Летом ставили сети. В речке было полно рыбы: щука, чебак, язь – в том числе и зараженной всякими паразитами. Конечно, большинство жителей в той местности также были больными. Ограничений по отлову в этой глухомани не было, как в 30-е годы. Да и какой урон природе могли нанести три маленьких русских семьи? Позднее советская власть снова взяла рыбалку и охоту под свой контроль. Был маленький огород, летом – грядка огурцов, сложенная на навозной куче. Коровы не было.

Однажды мой отец и Георгий Попов организовали двустороннюю проводную связь между нашими домами с помощью деталей от батарейного радиоприемника «Родина». Поскольку батареи давно выдохлись, приемник можно было использовать по-другому. Это было здорово!

Другим развлечением было фотографирование. Отец привез с войны трофейный фотоаппарат со съемкой на фотопластинки размером 24x18 см. Печатали на фотобумагу контактным спо-

собом. Поэтому с тех времен сохранились кое-какие фотографии. Одна из них перед вами. На них я и наш кот Цыган. Обратите внимание на чубчик. Сейчас таких не носят!

Юрты Проточные. Я и мой кот Цыган

Хорошо помню впечатления от рыбок, плавающих под прозрачным льдом местной протоки. Осенью речка замерзала быстро, и пока ее не занесло снегом, можно было бегать по льду и любоваться подводным миром: растениями и рыбками. В зиму речка покрывалась толстым слоем снега, и до прозрачного льда уже было не добраться. Однажды на нашу уже покрывшуюся толстым льдом протоку сел самолет. Это был моноплан неизвестной мне марки с пропеллером, который перед пуском один из пассажиров раскручивал, чтобы запустить двигатель. Я всегда считал, что он привозил почту и продукты. Наивный! Позднее я узнал, что на самолете прилетали представители органов, чтобы арестовать Григория Павловича Новицкого. Вер-

нулся он в Проточные только через полтора года, доказав свою невиновность.

Зимой детских забав было больше (а комаров и мошек меньше). Особенно запомнились катания с горки с выносом далеко на лед. Катались на коровьих плохо обработанных шкурах, наваливаясь на шкуру веселой гурьбой. Обратнo в гору шкуру тащили за хвост. Летом часто бегали на мыс, где кончалась тайга и открывался великолепный вид на сибирские просторы. На этом месте стояло священное дерево язычников – хантов и манси, покрытое узелками из разноцветных тряпочек. Вероятно, оно было покрыто мечтами местных рыбаков и охотников о здоровье, счастье, удаче, но мы этого не знали. Дерево приводило нас в трепет: ни одной тряпочки мы не трогали.

Братья

Как я уже писал, у меня было два брата. Старший – Владилен (сокращенное от ВЛАДимир Ильич ЛЕНин), но мы его звали просто Владиком. Он был старше меня на 14 лет и уехал учиться в далекий город Свердловск в ФЗУ, когда мне было от силы 2-3 года. После окончания ФЗУ его распределили в секретный город Свердловск-45, где он проработал всю свою жизнь и где был похоронен. Режимные службы в те послевоенные годы, когда в полную силу была запущена атомная программа, накладывали серьезные ограничения на выезд работников за пределы зоны. Поэтому мы с Владиком виделись чрезвычайно редко, о себе и о работе он по понятным причинам ничего не рассказывал. Позднее, окончив институт, я узнал, что на заводе со скромным названием «Электрохимкомбинат» выпускались компоненты атомных боеголовок для создания ядерного щита нашей Родины. Мне удалось побывать в Свердловске-45 (ныне г. Лесной) только после смерти Владика, на его похоронах. Тем не менее, у меня остались самые теплые воспоминания о Владике. Именно он заронил у меня мечту уехать учиться в Свердловск.

Брат Валерий также жил с нами недолго. РайОНО направлял мою мать, учительницу начальных классов, в самые захудалые и малонаселенные поселки Микояновского района, где были организованы только начальные школы. Поэтому мать вынуждена была отправлять Валерия в поселки, где имелась хотя бы семилетняя школа. Семилетнюю школу он закончил в Перегребном, а десятилетку – в Шеркалах. Валерий был мечтателем и романтиком, любил путешествовать. Наверное, поэтому он

поступил в Исовский геологоразведочный техникум, расположенный в г. Нижняя Тура, недалеко от Свердловска-45. После окончания техникума работал на Урале (г. Краснотурьинск), затем на Обском нефтяном севере (г. Нижневартовск).

Перегребное (1956 – 1964 гг.)

В юртах Проточных мы жили до 1956 года. Затем Проточинская школа-интернат была ликвидирована, здание раскатали по бревнышкам, бревна пронумеровали, а всех детей перевезли в п. Перегребное, которое стояло на Оби. В 1958 году интернат был восстановлен на новом месте. Интернат предназначался для детей из удаленных таежных деревень, где из-за малочисленности населения невозможно было организовать школу. Осуществлялось укрупнение школ.

Нашу семью тоже перевезли в Перегребное. Оно было потрясающим! Поселок стоял на высоком берегу, мимо плыли красавцы колесные пароходы. Пароходы, сначала колесные («Усиевич», «Гусихин», «Красная Звезда»), а затем и трофейные дизель-электроходы («Ленинский Комсомол», «Мусоргский», «Римский-Корсаков» и др.) появлялись на горизонте раз в неделю и причаливали к деревянной пристани, которую практически каждый год ледоходом сносило в реку, и ее приходилось восстанавливать.

Поселок Перегребное и его жители к моменту нашего переезда в 1956 году уже пережили все возможные беды и несчастья, которые могли выпасть на долю людей, принудительно выброшенных на пустынный берег Оби в 1930 году и переживших беспощадные годы войны. Уже ушли в мир иной деда и прадеды, затянулись кустарниками их могилки, залечились душевные раны у оставшихся в живых, глубоко в сердце ушли обиды. И только поломанные судьбы их потомков, неполноценные покалеченные семьи, интернат для сирот и Вавилон всех возможных наций со всего Советского Союза в этом по-

селке оставались свидетельствами времени тяжелых испытаний во имя благородных идей построения общества всеобщего счастья. Конечно, ни о чем подобном в возрасте шести лет я не подзревал и принимал мир лишь во внешних его проявлениях.

Пристань в п. Перегребное

Пару месяцев мы жили у знакомых Овсянниковых. Однажды, когда мать с хозяйкой ушла по делам, я залез в хозяйский огород и, увлекшись поеданием гороха, который ни разу в жизни не ел, не заметил, как вернулись женщины. Помню, что было стыдно. Чувство стыда осталось на всю жизнь.

К первому сентября переехали в свой барак, занимая одну его половину. Мать назначили заведующей национальным интернатом, отец после окончания бухгалтерских курсов стал работать в рыбокоопе бухгалтером. Брат Валерий уезжал в Шеркалы на всю зиму заканчивать 9-10 класс. Я снова был один. В то время мои родители еще жили дружно. На фото виден наш дом-барак. Он мне казался большим и просторным.

Мои родители, еще молодые

В национальном интернате жили дети местных хантов и манси всех возрастов от первого до восьмого классов. Государство выделяло средства на их проживание, питание, одежду, лечение. У всех детей, поступающих в интернат из окрестных поселков и юрт, болезни были одни и те же: трахома (заболевание глаз), чесотка (заболевание кожи), описторхоз (кишечное заболевание). Трудно было отучить их от поедания сырой рыбы. Меню в интернате было вполне цивилизованным: первое-второе-третье. Почему-то эти дети не любили китайские компоты из яблок и мандаринов. Мать ставила им всевозможные ультиматумы, пока они не привыкли к новой пище.

Канашова (в девичестве Нестерова) Мария Анисимовна, моя мать

Об этом времени мать писала: «Было много трудностей – во-первых, работала я заведующей и в то же время воспитателем, так как желающих работать в интернате было мало; во-вторых, слаба была материальная база. Распорядителем финансов был директор школы, он уделял больше внимания школе. Плохо было с одеждой и обувью для воспитанников – было нечего купить и не на что, но, несмотря на это, я прикладывала все силы к тому, чтобы дети жили, как дома. Самое главное, я старалась поддерживать порядок в интернате. Старших девочек я приучила делать регулярные и генеральные уборки, почти два года мы жили без техничек. У нас не было специфического запаха, как в других интернатах, так как раз в десять дней мы все постельное белье проветривали в любую погоду. По всем ви-

дам обслуживания к малышам были прикреплены старшие – шефы. Было у нас хорошо организовано самоуправление, был староста интерната, на которого я могла положиться. Воспитатели отработывали часы и уходили, поэтому многое приходилось поручать детям. В выходной полностью руководил староста, мне только нужно было навещать утром и вечером. Было все сделано: приготовлены уроки, готовы формы к школе, на неделю постираны, поглажены и подшиты воротнички, после этого разрешалось пойти в кино или погулять на свежем воздухе. Организовано было соревнование между комнатами, и обязательно подводились итоги за неделю на линейке – это хорошо подтягивало ребят. В свободное время девочки занимались рукоделием – вышивали салфетки, вязали, а мальчики занимались выпиливанием, выжиганием по дереву. С младшими мы готовили из папье-маше «посуду» – сервизы. Эти поделки мы отправляли в район на выставку детского творчества. Труд мой был оценен правительственными наградами и почетными грамотами. Коллектив интерната имел успех в общественной жизни села. Все работники интерната активно участвовали в художественной самодеятельности».

Мать работала в интернате до 1964 года, т.е. вплоть до нашего отъезда из Перегребного. По итогам 40-летней педагогической деятельности она была награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и медалью к 100-летию со дня рождения В.И. Ленина.

Отец, работая бухгалтером в рыбкоопе, добывал на Оби рыбу, бегал на охоту, заготавливал сено для коровы. Корову мы держали не постоянно, а всего один раз, пока она не состарилась. С нами также жил верный пес Пират. Позднее отец устроился ра-

ботать связистом, устраняя повреждения телефонной линии на участке от Чемашей до Шеркал. На этой работе у него было больше времени для домашних дел, но при этом снабжение нашей семьи ухудшилось. Все-таки в те времена лучше было держаться ближе к торговле. Летом всей семьей заготавливали грибы и ягоды (бруснику, клюкву, лесную смородину). Смородина была большей частью червивая. Клюкву и бруснику замораживали, и они хранились в больших деревянных бочках в холодной кладовой в виде замерших темно-красных бусинок. Позднее отец снова перешел на работу в рыбкооп. Отец умел делать все: шить одежду, подшивать валенки, делать нехитрую домашнюю мебель – при этом все он делал как-то исключительно ловко и красиво. Однажды мы с ним построили теплый домик для кур, чтобы можно было их содержать и зимой. Позднее построили новую стайку для коровы. Так я научился работать топором и познал плотницкое ремесло. Много времени занимала заготовка дров на зиму для отопления дома и для приготовления пищи. Электричества в поселке не было, пока в начале 60-х годов не появилась «экспедиция» – геологический отряд для исследования местности на предмет наличия газо- и нефтеносных слоев. Долгое время до появления «экспедиции» мы жили при керосиновых лампах со стеклянным плафоном. Отец прикуривал папироску от лампы и садился курить у раскрытой дверки камина или у вьюшки. Электричество подавалось только до 11 вечера. Перед тем, как геологи отключали мотор-генератор, лампочка трижды мигала, и через пять минут поселок снова погружался во тьму.

Летом жизнь оживала. С открытием навигации в поселке появлялось много новых людей и молодежи. Заезжий фотограф сделал портрет отца.

Канашов Андрей Петрович, мой отец

Добывать пропитание было непросто. Однажды наша семья и несколько других семей отправились за реку собирать бруснику. Брусники в то лето было много, ее собирали специальными совками с гребешком. Всего мы собрали 16 ведер. Пришла пора переносить ведра с ягодами к лодке, которая стояла на берегу под горой. Была более удобная и пологая дорога, но она была длинной, и я решил «срезать» путь. Стал спускаться с двумя ведрами, полными ягод, прямо по крутому склону. Конечно, оступился и полетел вместе с ягодами вниз, к реке. Когда оказался внизу, был весь в крови и красном соке ягод. От матери крепко досталось, отец не стал делать из этого трагедии. В этом была их разница.

Сохранилась еще одна детская обида. Мать, когда готовила обед, часто посылала меня к соседям попросить то соли, то луковичу. Почему-то в нашем доме всегда чего-то не хватало. Было мучительно стыдно, сжимаясь в жалкий комочек, каждый раз произносить одну и ту же фразу: «Не могли бы вы дать нам немного соли? Мама просила». Ситуацию усугубляло то обстоятельство, что соседями были мои учителя. Я пробовал бунтовать, дело доходило до слез, но мать была непреклонна, и история повторялась. С тех пор я люто ненавижу что-либо просить. И когда позднее, уже в перестроечные времена, я у Солженицына прочитал тезис эзков: «Не верь, не бойся, не проси», я понял, что он означает. Прошение воспринимается исключительно как слабость.

Много времени проводили на Оби. Только в Перегребном, будучи школьником, я стал понимать, какую роль в моей жизни и в жизни северян играет эта великая река. В 60-е годы прошлого века она еще была величественной и внушала некоторый трепет перед ее мощью. Я думаю, что местные жители-язычники не зря поклонялись этой реке, понимая, что без нее в этих местах не было бы жизни.

В любое время, свободное от обязанностей, мы бежали на реку. Купались практически сразу, как только заканчивался ледоход. Более того, было негласное соревнование между нами, школьниками, кто раньше откроет сезон купания. Ледоход на Оби – это не только зрелище, но символ окончания долгого зимнего сезона. Как правило, во время уроков раздавался крик: «Лед тронулся!». И все мы, и ученики, и учителя, бросали свои книжки и тетрадки, и бежали на берег смотреть на ледоход. Все пространство реки, сплошь заполненное тяжелыми льдинами, двигалось вниз по течению реки. И было видно, что не существует в мире такой силы, которая смогла бы остановить это

движение. У берегов громоздились и с шумом обрушивались огромные торосы, сверкающие кристаллами льда. После ледохода река с трудом очищалась от мусора, грязи и мути, пока снова не превращалась в доброе существо.

Река Обь. Снимок 2012 года

Вода, тем не менее, в Оби была все лето холодной. В пионерском лагере нам, например, не разрешали купаться. И только после наших настойчивых просьб вожатая, Майя Павловна, сказала нам: «Ну, хорошо, как только температура воды поднимется до 15 градусов, пойдем купаться». Много рыбачили с помощью самой примитивной удочки, чаще всего попадались подъязки, чебаки, окуни, ерши. За 2-3 часа можно было «надергать» ведро рыбы. Затем рыбу солили и сушили во дворе на ветру. Вяленые чебаки были хороши для пропитания в наших походах по окрестностям. Позднее мы со своим двоюродным братом Леонидом (сыном Петра Петровича) освоили речные путешествия на лодке с подвесным мотором «Ветерок». Ходили вдоль берега, иногда переваливали на другую сторону реки.

Мотор постоянно ломался, приходилось его разбирать-собрать, и мы снова двигались в путь. Зато мы приобщались к технике.

Однажды мы с отцом отправились за реку на заготовку сена для нашей коровы. Стог поставили на берегу одной из речушек и стали возвращаться обратно. Когда вышли на Обь, увидели, что по ней гуляют белые буруны: поднялся ветер, и река стала опасной. Тем не менее, отец решил перевалить реку. Меня посадил в нос лодки, сам сел у мотора. Я видел, как он управляет лодкой: мы почти все время двигались по гребню волны, поэтому даже при высокой волне нас почти не качало. Но страх был – в любое время мы могли свалиться с гребня, тогда пришлось бы туго. Позднее в одной из поездок у нас с отцом унесло лодку на другой берег протоки. Речка была невелика, но уже шел октябрь, местами выпал снег. Приняли решение доставать лодку вплавь. Помню, что вода была холодной, но еще холоднее было возвращаться в лодке нагишом под холодным ветром. Отец растер меня спиртом, и, по-моему, даже предложил принять внутрь. Заболеть я не заболел, но на шее вскочил огромный фурункул, следы от которого остались на всю жизнь.

Летом мать уезжала на курорты, и мы с отцом оставались вдвоем. На мне были обязанности по уходу за огородом: прополка, окучивание рядов картошки. К обеду я разжигал камин, жарил отцу на сковородке молодой картошки и садился ждать. Он приносил чего-нибудь повкуснее, обедали вместе. Часто выбирались на лодке рыбачить. Потом дома варили уху. Вместе строили стайку для коровы. Отец уходил на работу, а мне давал задание уложить один ряд бревен. Сруб собирался путем соединения бревен «в лапу». Для этого нужно было вырубить топором пазы по углам сруба, проделать канавку вдоль бревна для укладки мха и уложить бревно на свое место. Наверное, я

не всегда справлялся с заданием, но навыки плотницкого ремесла приобрел. Кроме того, мне всегда нравилось строить.

Еще я любил петь. В доме был довольно объемистый песенник с песнями советских композиторов. Мелодии схватывал легко и, когда оставался один в доме, горланил песни в полный голос. Вскоре не осталось ни одной песни в этом песеннике, которая бы не вошла в мой «репертуар». Вероятно, мои вокальные опыты были услышаны соседями, которые рассказали о них нашему учителю пения Захарову Александру Иосифовичу. Он меня вытащил на школьную сцену, где я приобретал некоторый опыт публичных выступлений. Пел песни из школьного репертуара и соло, и с хором: «Барабанщик», «Я первый ученик среди ребят», «Фуражечка» и т.п.

Иногда летом на целый месяц на почтовом катере я уезжал в Б-Атлым к бабушке Анне и к своим двоюродным братьям и сестрам, в клан Канашовых. Поближе к натуральной пище (рыба, орехи, ягоды). Рыбу ловили в реке Батлымке с помощью металлических петель, закрепленных на конце длинного удилища. Когда у берега появлялась стая маленьких щук (щурогаек), нужно было аккуратно подвести петлю к голове щуки и резким рывком подцепить щуку петлей. Ведро щурогаек можно было надергать за два часа. Кедровые шишки собирали, залезая на дерево и ударяя ногой по ветке. Шишки градом сыпались с дерева и падали на землю. Хороши были шишки, запечённые на костре.

Одно лето мы с двоюродным братом Леонидом целиком посвятили поиску хантэйских кладов. В поселке всегда ходили легенды о «несметных» сокровищах местных хантов. Считалось, что особенно много старинных монет зарыто в Казымском логу. Мы с братом лопатами перерыли весь Казымский лог и все

ближайшие окрестности, даже ездили на лодке на подгоринскую гору, но так и ничего не нашли. Зато когда к вечеру мы возвращались домой, аппетит был изрядный. Самое интересное, что позднее эти монеты нашлись! Кто бы мог подумать, что они находятся прямо под домом Дмитрия Петровича, младшего из трех братьев. Клад обнаружился, когда решили перестраивать старый развалившийся дом, в котором жили, наверное, лет 50. Старый дом раскатали, начали рыть котлован под новый дом и тут наткнулись на клад, в котором было несколько пригоршней старинных монет середины и конца 19 века. Видимо, всему свое время.

Насколько себя помню, летом почти всегда где-нибудь работал: в колхозе, на пришкольном участке или на домашнем хозяйстве. Первый мой производственный опыт был драматичен. В один из приездов в Б-Атлым летом 1960 года нас с Леонидом, чтобы не бездельничали, отправили на заготовку сена для колхозных коров. Всей бригадой поселились в каком-то бараке. Утром нам выдали самодельные грабли с деревянными зубьями. Поскольку силенок было немного (все-таки еще 4 класс!), грабли я держал не на весу, как положено при сборе сена, а волочил по земле. На четвертый день у граблей остался один зуб, но поскольку признаться в повреждении колхозного инвентаря было стыдно, я продолжал собирать сено граблями с одним зубом. Когда это выяснилось, меня подняли на смех. Было до слез обидно. Грабли починили, и до конца сенокоса я работал без приключений. Как сейчас помню, за свой труд я получил 3 рубля (до денежной реформы 1961 года), т.е. 30 копеек. Второй опыт работы я тоже получил на сенокосе. Однако на этот раз нам, пацанам, доверили собирать сено с помощью конных грабель. Конные грабли – это такая колесница с высоким сиденьем и большими загнутыми дугой зубьями для сбора сена. Ко-

лесницу тащила тощая лошаденка по прозвищу Кобылка. Когда под зубьями набирался изрядный валок сена, нужно было на ходу с помощью рычага приподнять зубья, чтобы освободить их от сена. И все бы ничего, но заливные поля, на которых росла трава, были снабжены специальными кочками, из-за которых колесницу мотало так, что стоило зазеваться, как ты на ходу вылетал из сиденья. Одновременно нужно было управлять лошадью. Рабочий день длился до самой темноты. И когда я возвращался в барак, падал на соломенный матрац, перед глазами еще долго маячила задница Кобылки, и трясло на кочках. На школьном огороде нам поручали самостоятельно пахать на лошади с помощью настоящего плуга и затем боронить. Мы сами запрягали лошадь, сами ухаживали за ней. Никто нами не командовал. Это был легкий радостный труд в компании друзей.

Во второй половине барака в Перегребном жила семья Чумаков, молодых учителей поселковой школы. Иван Семенович Чумак, мой учитель физики, был во время войны переселен из Молдавии на Обской север вместе с матерью Евгенией Михайловной. Иван Семенович сыграл в моей дальнейшей судьбе большую роль. Его жена, Тамара Алексеевна, учительница литературы и русского языка, невероятно красивая и деликатная молодая женщина, научила меня любить и понимать красоту русского языка. Они соединили свои судьбы, когда учились в Тобольском педагогическом институте, а затем по распределению приехали в Перегребное. Позже у них родились две очаровательные девочки Галя и Таня, с которыми у меня прошло детство в одном нашем общем дворе. Не могу привести другого примера такой дружбы и привязанности даже между родственниками, как между нашими семьями. Когда расставались, все ревели. Позднее Чумаки уехали на свою историческую родину в Молдавию. Мне удалось дважды побывать у них в гостях.

Таня и Галя Чумак

Все учителя в школе были молодыми, часто бегали смотреть кино в сельском клубе, собирались на дружеские вечеринки – один из немногих способов отвлечься в таежном поселке от тягот жизни. Привожу фото, так как на нем представлена большая часть педагогов школы.

Учителя на дружеской вечеринке у Чумаков

В центре – Тамара Александровна, мои родители справа. На коленях моей матери лежит Карл Карлович Абель, мой учитель немецкого, тоже был выслан на Обской север в 40-х годах. Фото, вероятно, делал Иван Семенович, он был мастер на все руки.

Все молодые и беззаботные. Насколько я помню, на этих вечеринках пили самодельную бражку. Закуска была бесхитростная: холодец, квашеная капуста, вареная картошка, грибочки...

Прозвенел звонок и я отправился в первый класс. Родители одели меня в школьную форму того времени: брюки, гимнастерка с желтыми металлическими пуговицами, подпоясанная дерматиновым ремнем с блестящей пряжкой, фуражка с кокардой и черным пластмассовым козырьком. К вороту гимнастерки обязательно подшивался белый воротничок. Блеск! Жаль, не сохранилось приличной фотографии. На фото ниже я и мои друзья, Валера Захаров и Юра Вишняков (справа налево). Четвертый – Рашкин Миша. Юра – сын директора школы, Вишнякова Петра Александровича. Валера – сын моей первой и любимой учительницы, Евсеевой Нины Дмитриевны. Фотография неполная, нижняя часть утрачена, в нижнем ряду сидели девочки: Люба Бульман, Соколова Таня, Трясина Надя, Оля Абель, дочь учителя немецкого языка Абеля Карла Карловича. Учительские дети – особая каста в сельской школе. Спрос с нас всегда был выше. Мы были обязаны учиться только на 4 и 5.

Хорошисты 1956-1957 учебного года

Об учителях особый разговор. Нина Дмитриевна приняла наш класс, только что закончив педучилище. Мы у нее были пер-

выми. Наверное, поэтому она так трепетно относилась к нам и к своим обязанностям. Никто у нее не был забыт или обижен. Это я помню точно. Я был строптивым мальчишкой, порой сам не сознавая, чего мне хочется, и чего я добиваюсь. Вероятно, я доставил ей немало хлопот. Был очень чувствителен к несправедливостям со стороны одноклассников и обидам. Нина Дмитриевна очень деликатно разводила нас. Тем не менее, она как-то по-особому относилась ко мне и давала важные поручения. Однажды она поручила мне вести зарядку в классе перед первым уроком. Нужно было давать команды на выполнение разных упражнений. И я командовал: «вздо-о-ох – выдох, вздо-о-ох – выдох, и.т.». Как доходили до этого упражнения, в классе раздавались смешки. Мне было непонятно, отчего. После урока Нина Дмитриевна подошла ко мне и сказала: «Надо говорить: вдох – выдох, вдох – выдох, понятно?». Когда до меня дошло, я сильно огорчился своей оплошности и долго переживал, считая, что все теперь будет надо мной смеяться. Так бывает в школе, только дай повод. Но все обошлось. На фото 1957 года видно, что в нашем маленьком классе были дети всех национальностей: русские, украинцы, ханты, калмыки, татары, немцы. Это фото – маленький отголосок трагических событий 30-х годов.

На стене в коридоре висело два портрета, обязательных для того времени: Ленина и Сталина. Шел 1956 год, и до нас еще не дошли решения XX съезда КПСС. Ленин был в каком-то незаметном пиджачке, а Сталин был в парадном мундире с орденами. Заспорили, кто главнее: Ленин или Сталин? Мнения разделились. Пошли стенка на стенку. В этой куче меня крепко помяли. Сейчас уже не помню, за кого я пострадал. Помню только, что одним из аргументов было количество орденов у Сталина.

Первый класс (1956-1957 учебный год). Мы еще даже не октябрята

В начальных классах все мы были октябрятами. Поскольку металлических значков еще не было, всем нам выдали картонные звездочки, обтянутые красной тканью. Позднее появились металлические звездочки с изображением юного Володи Ульянова.

Нина Дмитриевна довела нас до 4 класса, и в 1960 году мы вступили в пионеры. В те времена пионерская организация была в авторитете, и мы этим сильно гордились, хотя не всегда приходили в школу в галстуке, успевая его засунуть в карман. Больше всего ценился шелковый галстук, сатиновый галстук сворачивался в две трубочки и выглядел неряшливо. На следующем фото снова хорошисты 1960 года (4 класс). Теперь нас стало уже больше. Стоят: Петя Решетников, я, Юра Вишняков, сидят: Оля Нартымова, Люба Бульман, Нина Дмитриевна, Оля Абель и Валера Захаров. Все – дети переселенцев. В Перегребном тоже было спецпоселение: в этом поселке высадилось на

берег в 1930 году 55 семей. Во время войны в 1942 году молодежь 1924-27 годов рождения мобилизовали на фронт. Большинство из них не вернулось. Оставшись после войны без мужей и женихов, женщины сами определяли свою судьбу: кто-то остался вдовой до конца дней своих, кто-то выходил замуж за молдаван, калмыков, хантов и т.д.

В школе каждый понедельник ученики всех классов выстраивались в коридоре. Старшие классы у стенки, на заднем плане, перед ними классы помельче, самые младшие стояли в первом ряду. Называлось это «линейка». «Все на линейку!» – кричали дежурные. Выстраивались быстро, за пять минут. Перед линейкой выходил Петр Александрович Вишняков, наш директор. Он подводил итоги соревнования за прошедшую неделю, хвалил передовиков, журил отстающих и делал объявления.

Хорошисты 1959-1960 учебного года (4 класс). Уже пионеры

**Вишняков Петр Александрович,
директор Перегребинской восьмилетней школы**

Мы соревновались во всем: в чистоте класса, в поведении, в добрых делах и, конечно, в учебе. Выпускалась стенгазета, которую рисовал сначала сам Петр Александрович, а потом и мы принимали участие. Помню, меня тоже «продернули» в стенгазете. Наш дом находился рядом со школой и был отделен только школьным садом. Я чаще всего сокращал свой путь, т.к. выбраться на улицу не всегда удавалось из-за сугробов. Петр Александрович прошелся по этому поводу, нарисовав рисунок и подписав:

*Поступил нехорошо этот Боря Канашов,
Он перелез ограду и топает по саду.*

Позже, когда я уже учился в старших классах, Петр Александрович научил меня рисовать, и я сам с удовольствием этим занимался. В это сейчас трудно поверить, но тогда мы всем кружком рисования ходили на этюды с акварельными красками и рисовали на природе. Тогда Петр Александрович научил меня наблюдать. Я впервые увидел и был поражен, что весной тени от деревьев на снегу – голубые! Я всегда считал тени серыми. Так мы делали для себя маленькие открытия.

Вообще, внеклассная жизнь в школе была необыкновенной. Кроме того, что работало множество кружков, учителя находили в себе силы организовывать нам праздники. Особенно запомнились празднования Нового года. Вся школа преображалась: из классов выносили парты, они складывались в конце коридора. В одной из классных комнат (их было всего четыре) устанавливалась елка. Как правило, для этого использовалась пихта: она не была такой колючей, кроме того, она наполняла класс необыкновенным ароматом пихтовой смолы. Игрушки на елку делали сами. Каждый при этом узнавал на елке свою игрушку. Другие классы тоже украшались гирляндами, фонариками и т.п. На праздник все приходили в костюмах, по сути это был новогодний карнавал. Праздник был наполнен конкурсами, играми. Играли в «почту», обмениваясь друг с другом милыми записками. Анонимность обеспечивалась тем, что у каждого на груди висел свой номерок. Письма переносили самые младшие школьники.

Праздники сопровождалась концертами. Были как смешанные концерты, так и полноценные спектакли. Иногда спектакли переносились на сцену поселкового клуба. Позднее я узнал, что в организации спектаклей участвовала ссыльная профессиональная актриса Нина Николаевна Певна, высланная в Пере-

гребное с Западной Украины в 1941 году. Судьба этой женщины – особая страница в жизни поселка Перегребное.

**Коллектив учителей Перегребинской школы в начале 60-х годов.
(На фото отсутствуют Чумак И.С. и Чумак Т.А.)**

В старших классах Нина Дмитриевна передала нас: по физике и химии – Чумаку Ивану Семеновичу, по русскому языку и литературе – Чумак Тамаре Алексеевне, по истории и рисованию – Вишнякову Петру Александровичу, по биологии и немецкому языку – Абелю Карлу Карловичу, по математике (алгебре и геометрии) – Вагановой Клавдии Степановне, по географии и пению – Захарову Александру Иосифовичу, по анатомии и физиологии – Боровик Римме Викторовне, совсем молоденькой учительнице, которую мы (уже в старших классах) понемногу «задирали». Классным руководителем (классным во всех отношениях) был Карл Карлович Абель – по национальности поволжский немец, проживал в Омской области, был репрессирован и выслан на север в п. Перегребное в 1942 году, работал в школе до 1971 года, реабилитирован в 1995 году.

Чумак Иван Семенович – мой учитель физики

Мои предпочтения в предметах зависели от моих симпатий к учителям. Я был буквально влюблен в Ивана Семеновича, учителя физики, и в Тамару Алексеевну, учительницу русского языка. Наверное, поэтому я связал свою профессиональную судьбу с физикой, а умение внятно излагать мысли на бумаге помогало мне двигаться по профессии. Вообще, авторитет всех учителей был непререкаем. В те времена с нами было проще – мы были достаточно «дремучими» детьми, чтобы держать нас на коротком поводке установленных правил. Мы в своем большинстве были ведомыми, а не лидерами. Нас легко было приструнить: выставляли перед всей школой на «линейке» и стыдили. Действовало безотказно. Нынешние дети более рас-

крепощены, среди них больше ярких личностей, поэтому ими сложнее управлять. Я вижу это по своим детям и внуку. Не знаю, что лучше. Я всю жизнь страдал от того, что слишком доверял внешним правилам и требованиям, принимая их на веру. Поэтому позднее я легко поддался обаянию коммунистических идей о построении общества всеобщего счастья и даже был апологетом этой идеологии.

Однажды Тамара Алексеевна поручила нам написать сочинение на тему «Восход солнца», при этом поставила условие описать это явление с натуры. Я встал рано-рано, оделся потеплее и залез на крышу своего дома с карандашом и тетрадью, прямо на конек. Представьте, сколько я сделал для себя открытий! Кроме того, получил пятерку за это сочинение. Нужно сказать, что мне всегда больше нравилось излагать свои мысли на бумаге, чем произносить речи, тем более у доски. Я любил писать сочинения, позднее это пригодилось. Правила русского языка учить не любил – много читал. В семье всегда выписывали много журналов: «Пионер», «Костер», «Журнал-газета». Они были как окно в большой мир.

В четвертом классе, как я уже писал, мы вступили в пионеры, в восьмом подали заявления в комсомол и тут же были приняты. Меня избрали секретарем комсомольской ячейки. Не помню, чтобы мы совершили много добрых дел. Исправно собирали взносы (несколько копеек в месяц с комсомольца). Помню, как я привез в райком комсомола целый мешок медной мелочи, собранной за год, и вывалил на стол казначея. Он ахнул. После подсчета оказалось, что вся сумма точно сходится с плановой. Думаю, что комсомол не сильно нуждался в наших копейках.

Однажды зимой поехали на комсомольскую конференцию вместе с учительницей анатомии Риммой Викторовной. Ехали на

двух подводах с розвальнями, завернувшись в огромные тулупы. Но мороз все равно пробирался под них, приходилось бежать за подводами бегом. До райцентра (90 км) добирались два дня. Ночевали на постоялом дворе в Шеркалах. Конференция произвела на меня меньшее впечатление, дорога была интересней.

Запомнилась поездка всем классом за реку на прополку картошки. Был уже август. Нас перевезли на другую сторону реки на небольшом катере, который сразу же вернулся в поселок. Рассчитывали вернуться вечером того же дня, но поднялся ветер, и Обь стала непригодной для перевалки. Связи не было. Когда стемнело, стали догадываться, что за нами никто не приедет. С нами был Карл Карлович Абель. Разожгли костер, напекли молодой картошки, набрали зеленого сочного гороха на колхозном поле (его выращивали на прокорм скоту), надергали турнепса. У кого-то были бутерброды. Ужин удался. Заночевали в каком-то сарае на мягком пушистом сене, ночь прошла весело и беззаботно. Весь следующий день снова было ветрено, и за нами никто не приехал. Заночевали снова. Веселья было уже меньше, да и горох как-то надоел. Катер пришел на четвертый день. Представляю, каково было родителям на том берегу без каких-либо вестей о своих детях. Но все закончилось благополучно, никто не заболел.

Нужно сказать, что мы редко болели простудными заболеваниями, хотя зимой соплей намотали немало, возвращаясь вечером в темноте домой в снежно-ледяной корке на одежде. Жизнь на вольной природе поднимала наш иммунитет. Тем не менее, инфекционные заболевания нас иногда доставали. Напившись сырой воды прямо из реки, в июне 1960 года я тяжело заболел брюшным тифом. Несколько дней лежал в местной больнице без сознания с высокой температурой. Меня выходил

Соколов Семен Андреевич, ветеран войны, отец моей одноклассницы Тани Соколовой.

Суровый север часто напоминал нам о своем характере. Однажды мы со своим другом Валерой Захаровым в зимние каникулы договорились, что он придет ко мне в гости, и мы чем-нибудь займемся. Ночью поднялась пурга. Утром я едва выбрался из дома, чтобы добежать до туалета (удобства были во дворе). Прodelал дорожку во дворе и стал ждать друга. Наступило время обеда, а Валера все еще не пришел. Тогда я отправился к нему. Все дороги в поселке были переметены снегом. Когда я добрался до того места, где должен быть дом Захаровых, то обнаружил, что из-под снега торчит только крыша и труба; не было видно даже окон. Дом стоял в низинке, поэтому ему досталось больше, чем нашему. Сбегал домой за лопатой. Откопал двери в сених, кое-как приоткрыли их. Когда на улицу выбрался отец Валеры, дело пошло веселей. Пока мы откапывали дом, Нина Дмитриевна нажарила нам макарон на сливочном масле. Было очень вкусно. Обратнo возвращался уже в темноте. Дни зимой в этом краю и сейчас короткие.

Вместе со своим приятелем из интерната Шурой Шадриным мы научились самостоятельно делать парусные кораблики, теперь это называется судомоделизм. От самых простых корабликов из дощечки с одним парусом до трехмачтовых шхун, выдолбленных из хорошо высушенного соснового бруска и оснащенного парусами по всем правилам парусного дела. Паруса делали из батистовых носовых платков, они были легкими и при намокании не такими тяжелыми. Кораблики пускали на маленьких озерах, которых было много на территории поселка. К осени озера затягивались травой и водорослями, превращаясь в болота, и мы находили другие занятия. Одно из таких болот, расположенных прямо перед школой, уже в старших клас-

сах мы почистили от растений, привели в порядок берега, посадили березы. Перед самым отъездом из Перегребного в 1964 году я бегал поливать эти саженцы, таская воду из этого же пруда. Кажется, они прижились. Насколько я знаю, школьники следующих поколений поддерживали этот неказистый сад. Фото ниже сделано в 1972 году. На заднем плане – школа. История перегребинской школы – это особая история. И трагическая, и пронизанная гордостью за великий труд тех, кто ее создавал. Достаточно сказать, что она была построена в 1932 году, на второй год после того, как первая партия спецпереселенцев была высажена на берег в районе Старого Перегребного.

**Перегребинская восьмилетняя школа. Построена в начале 30-х годов.
Фото 1972 года**

В школе активно работала лыжная секция. Моя карьера лыжника сложилась неудачно, но ходить на лыжах я любил. В то время уже были в ходу лыжные ботинки, и это отличало членов секции от другой школоты, которая каталась на лыжах в валенках. Наибольших успехов на лыжных соревнованиях добился мой друг Валера Захаров. Впоследствии большой спорт стал его профессией. Он стал заслуженным тренером России.

Летом было много подвижных игр: лапта, волейбол, футбол. В школьном дворе проводились соревнования между классами. Фото сделал П.А. Вишняков, он же подписал фотографию. На втором плане – здание национального интерната, где работала заведующей моя мать. Мои самые близкие друзья в старших классах – Юра Вишняков, Валера Захаров, Шура Шадрин и Юра Рябенко.

Перегребное. Победители соревнований по волейболу

Я был высоким подростком, и у меня хорошо получались прыжки в высоту. Прыгали способом «ножницы», позднее освоили перекидной способ. Фото сделано в 1962 году, когда я учился в 6 классе. У стойки стоит Иван Семенович, за его спиной – учителя. Хорошо видно здание школы.

Перегребное. Соревнования по прыжкам в высоту

Школьный двор всегда был заполнен детьми. Это было место сбора всех школьников поселка в свободное время. Соревнования устраивали самостоятельно, без подсказок со стороны учителей, скуки не было. Фото очень характерно для того времени. Кроме того, в левом верхнем углу фото хорошо виден наш барак, в котором мы проживали совместно с семьей Чумаков.

Перегребное. Школьный двор. 1962 год. Хорошо виден наш дом

В старших классах мы с Юрой Вишняковым увлеклись радиоделом. Собирали сначала детекторные длинноволновые приемники, сооружая на крыше дома огромную антенну. Как правило, звук можно было услышать с трудом через жуткие помехи. Затем научились собирать одноламповые и двухламповые приемники, которые работали в большем диапазоне частот, и качество приема было выше. Перед самым выпуском затеяли собрать УКВ-радиостанцию с двухсторонней связью. И собрали. Радиостанция была собрана на алюминиевом каркасе, питание было от большой батареи размером с хорошую стопку книг. Но пришло время уезжать, и эту задумку мы не закончили. Радиодетали для своих увлечений выписывали через систему «Товары – почтой». Попутно занимались электротехникой: собирали электродвигатели, мотали электромагниты, трансформаторы. Сейчас не верится, что мы ставили перед собой такие сложные задачи, находясь в таких незавидных для технического творчества условиях. Выписывали журнал «Юный техник», из него черпали идеи для своих поделок.

На волне увлечений радиоделом договорились оба после 8 класса поступать в Свердловский радиотехникум. Юра уехал поступать, а мои родители встали горой и непустили меня. Была жуткая ссора, я хлопал дверью, возвращался обратно, умолял родителей, но все было напрасно. К тому времени у них были планы переехать в райцентр Октябрьское, где была средняя школа. В итоге они оказались правы. Я закончил среднюю школу, поступил на физико-технический факультет Уральского политехнического института и в 1973 году закончил его. У Юры судьба тоже сложилась удачно: после окончания Свердловского радиотехникума он поступил работать на приборный завод «Сигнал» в Обнинске, который выпускал радиоизотопные приборы и аппаратуру ядерного приборостроения для оснащения атомных электростанций электронными системами контроля радиационной безопасности. В 1964 году мы переехали в райцентр Октябрьское, но это уже другая история.

Октябрьское (1964 – 1966 гг.)

На новое место мы переезжали по реке. Был июнь, самый теплый месяц на Оби. На открытой барже, которую тащил маленький катер вверх против течения, были сложены наши нехитрые вещи. Родители ехали на катере, я остался на барже. Поверх вещей постелил старенький матрац, обложился книгами и устроился поудобнее. Расстояние между Перегребным и Октябрьским – около 90 км. Скорость буксира с баржой – не более 10 км/час. Значит, плыли мы часов 9-10. За это время я перешел все задачи из учебника по геометрии, прочитал пару книг. Удивительно, но мне было интересно решать эти задачи. Каждая решенная задача вызывала настоящую радость. Время пролетело незаметно.

Село Октябрьское, несомненно, отличалось от всех других сел района. Это отличие заключалось, во-первых, в местоположении села. Центральная историческая часть села находилась на высоком берегу, который был виден отовсюду. Во-вторых, эта высокая гора была увенчана старой церковью, о которой в наше время ходили разные легенды. И гора, и церковь появлялись сразу, как только теплоход огибал последний мыс в районе села Большой Камень, до которого было минимум 15 километров. Эти 15 километров теплоход преодолевал около получаса, и все это время пассажиры неотрывно смотрели на церковь.

Как я уже говорил, о церкви ходили самые разные легенды и слухи, но подлинной истории церкви мы, конечно, не знали. Позднее мне удалось кое-что о ней разузнать. Появление храма

в древней Коде (так в 16 веке называлась эта местность), как впрочем, и всех других православных церквей на территории Обского севера, населенной хантами, ненцами, манси, было вызвано процессом христианизации местного населения.

Вид на село Октябрьское. Фото начала 2000-х годов

Основанию Кодского (позднее Кондинского) монастыря предшествовала долгая история. Еще казаки, посланные в 1583 г. Ермаком вниз по Иртышу в поход, вступили в переговоры с кодским князем Алачем и поставили его над всеми остяками. Признав одним из первых власть русского царя, Алач, в отличие от других местных князей, добился для своего княжества своеобразной автономии: кодские остяки вместо уплаты государевой подати обязаны были нести военную службу. Вплоть до ликвидации самостоятельности Коды в 1643 г. ее правители вместе с русскими отрядами покоряли соседние остяцкие и вогульские княжества, «воровскую самуюдь» и тунгусов. Особая близость кодских князей к русским властям сказалась и на раннем распространении православия в этой земле. Первыми в княжеской семье приняли православие Анастасия, вдова Алача, и их внук

Петр. Крестясь, княгиня Анастасия и Петр «били челом» царю и патриарху о заведении в Коде православного храма. Их просьба была поддержана, и 10 сентября 1599 г. березовским воеводам была послана грамота с указом царя Бориса Годунова об устройстве храма в Коде, для чего из Москвы было посланы иконы, колокола и книги. Князь Петр должен был нанять в Березове плотников и найти священника. Уже в 1600 году в Коде было построено деревянное здание церкви. В 1608 году по распоряжению из центра Троицкий храм закрыли ввиду малого числа прихожан. Православие не получило широкого распространения среди кодских остяков и едва вышло за пределы княжеской семьи. При Михаиле Алычеве Троицкая Церковь была восстановлена. Новый князь не жалел средств на содержание церкви. 20 октября 1653 года в Кодском городке грамотой царя Алексея Михайловича был учрежден Кодский Троицкий монастырь. Здесь находилось большое количество икон, книг и монастырский архив. Просуществовала церковь в таком виде около ста лет. После того как церковь обветшала, рядом с ней был заложен в 1731 году каменный пятиглавый Троицкий храм с колокольней и двумя пределами.

Монастырь стоял на высоком берегу Оби, внизу, под горой, была монастырская кузница, здесь же шла торговля тем, что делали своими руками монахи. А у них, по легенде, была даже своя заимка на реке Исети, где выращивали хлеб. Но в результате Екатерининской реформы, когда у монастыря отобрали земли, рыбные угодья, он пришёл в упадок, стоял даже вопрос о закрытии. В 19 веке монастырь стал женским, его под своё крыло взяла община Тобольского женского монастыря. Упадок Кодского монастыря связан с приходом на Север Советской власти. В июне 1918 года в Коду прибыл отряд красногвардейцев. Его командир П.И. Пейсель

объявил жителям села о национализации церковных владений. В 1924 году монастырь был закрыт, а в 1930 году перестала действовать и Троицкая церковь. Существует легенда, что Кодский монастырь строили пленные шведы, да так основательно, что сегодня невозможно один кирпич отделить от другого, это настоящий монолит. Поэтому, когда ломали храм, монолитные глыбы пришлось свалить в ров, в музей попали лишь остатки кирпича. Правда, само здание так до конца и не разрушили, долгое время в нём располагался узел связи.

Кодский монастырь за два века своего существования сыграл свою роль в просвещении местного населения, но при этом оставался, как и другие монастыри Обского севера, местом ссылки, и к концу 19 века не только утратил свою роль, но и не занимался хозяйственной деятельностью. Последнюю настоятельницу монастыря – мать Серафиму и служившего при церкви священника Якова увезли под конвоем в Тобольск. Дальнейшая их судьба неизвестна, но надо предполагать, она была столь же печальна, как участь всего российского духовенства в годы коммунистического правления.

В настоящее время Троицкая церковь восстанавливается и принимает вполне цивилизованный вид.

В райцентре, пока рыбокооп не выделил отцу жилье, мы жили в доме Лавреновых. Люся Лавренова – моя двоюродная сестра по материнской линии. Ее муж, Лавренов Владимир Гаврилович, был прокурором Октябрьского района, и жилплощадь его дома позволяла расселиться и нашей семье. Осенью мы уже переехали в свой дом, который на самом деле был собственностью рыбокоопа. В нашем доме жил и учился со мной в одном классе мой двоюродный брат Леонид.

Обновленная Троицкая церковь. Фото 2012 года

В то же лето я устроился работать на кирпичный завод. Кирпичи производил огромный агрегат-локомотив с паровым двигателем. В него подавалась песчано-глиняная смесь и вода, а на выходе он выдавливал длинную прямоугольную колбасу из однородной глины. Колбасу резали и укладывали на стеллажи для просушки. Потом заготовки обжигались в печи. Качество кирпича даже отдаленно не напоминало кирпич Кодского монастыря. Моя задача заключалась в том, чтобы равномерно лопатой подавать песчано-глиняную смесь на транспортер, который уносил ее в жерло агрегата. Поскольку агрегат в течение дня никогда не останавливался (на его запуск уходило много времени), то и мне в течение всего рабочего дня невозможно

было оторваться от лопаты. Проработав месяц на кирпичном заводе, я приобрел стойкую неприязнь к механической работе.

Совсем другое дело рыбалка. После девятого класса я с рыбаками рыбколхоза и моим приятелем Валентином Никитиным отправился на промышленную рыбалку. Рыбу ловили с помощью невода. Когда рыба возвращалась из верховий малых речек в Обь, поперек речки устанавливали так называемую завесу. Завеса представляла собой частокол из длинных березовых стоек, закрепленных укосинами, длиной до 12 метров. Эти хлысты мы заготавливали сами в ближайшем лесу и вывозили на лошаденках к берегу. Потом по воде доставляли к месту, где ставилась завеса. На частокол накидывали сеть из грубой толстой нити, чтобы рыба в ней не запутывалась, а только задерживалась. Когда перед завесой собиралась рыба, закидывали невод. Для этого на большой лодке (неводнике) на пространстве перед завесой делали круг, выбрасывая невод в воду. Затем невод вытягивали на берег, а рыбу черпаками черпали прямо в неводник. Ловили в основном мелкий частик: чебака, окуня, ерша. Если невод забрасывали дальше, на пески, то вытаскивали муксуна, нельму, стерлядь. Окунь и ерш обладали противным свойством уколоть руки и смазать ранки своим ядом, от чего руки распухали, и тянуть невод становилось все труднее. Рыба шла по реке сплошным потоком всего лишь несколько дней, в течение этих дней невод выбрасывали непрерывно, днем и ночью. Благо, в июне на севере белые ночи. На несколько минут поочередно падали у костра, засыпали, вставали и снова принимались за работу. В бригаде было около десяти человек, все взрослые, только мы с Валентином пацаны. Взрослые рыбаки, чтобы не спать, пробавлялись чефиром. Мы иногда тоже баловались. Сердчишко стучало, спать не хотелось

совсем. Но такой сумасшедший период длился недолго, всего неделю. Все остальное время была размеренная работа, когда можно было и отдохнуть, и искупаться. На рыбалке за два месяца я заработал 300 рублей – бешеные деньги по тем временам. Зарплата у родителей была не более 100 рублей. На эти деньги купил себе школьный костюм и родителям – наручные часы.

В старших классах в летнее время работал грузчиком на товарной базе. Весной после открытия навигации по реке доставлялись продукты и товары. Зимние запасы к тому времени уже заканчивались, и питаться приходилось в основном консервами. Приход первой баржи с продуктами всегда был праздником. Привозили муку, сахар, соль, макаронные изделия, фрукты. Мешок сахара весил около 50 кг. Для школьника это было немало. Мешок укладывали на специальное приспособление, которое укреплялось на спине. Называлось оно «горбуша», вероятно, потому, что груз в итоге оказывался на твоём горбу. Груз нужно было пронести по эстакаде на склад, который находился выше на берегу. Работал наравне со взрослыми. Привозили также вино-водочные изделия в ящиках. Они были двух сортов: «белое» и «красное». «Белое» – это водка, а «красное» – все остальное: портвейн, вермут и т.д. Мужики гуляли напропалую. Мы баловались газировкой, сладостями и сигаретами. Однажды пришла баржа с бытовыми товарами: холодильниками, духовками, люстрами и т.п. Холодильник в упаковке из деревянных брусьев весил 110 кг. Пьяненькие мужики подначивали нас: мол, слабо поднять и донести до склада холодильник? Конечно, никто не хотел сознаваться в слабости. Поэтому я подставил свой горб, и на меня водрузили эти 110 кг. Как я

дошел, не помню. В глазах темнело, ноги дрожали. Но, кажется, донес. Больше я не экспериментировал в переносе тяжестей.

Здание Октябрьской средней школы

В новой школе я встретил новых учителей и приобрел новых друзей. Пожалуй, наибольшее влияние на меня оказала учительница математики Алевтина Тимофеевна Сыченко, позднее заслуженный учитель РСФСР. Я наслаждался игрой символов и правил, управляющих ими, не понимая до конца смысл уравнений и их практическое значение. Также хочу отметить наши споры с Карандаевой Лидией Степановной, учительницей физики. В десятом классе неизвестно как мне попала в руки книга «Очевидное? Нет, еще неизведанное» известного физика В.П. Смилги. Она была посвящена истории физики, физических открытий и изложению новых теорий и гипотез. Заключительные главы были посвящены теории относительности А. Эйнштейна. Вопросов было много, и я часто приставал с ними к Лидии Степановне. К тому времени российский физик А. Фридман продвинул теорию относительности далеко вперед, но авторитет А. Эйнштейна был так велик, что о Фридмане

ничего не было известно. Идеи, изложенные в книге В.П. Смилги, были так необычны и изложены так интересно, что я не на шутку увлекся физикой. Но знающего наставника в этой области у меня, конечно, не было. Позднее, во время учебы в институте, когда пошла «крутая» физика, недостаток образования и кругозора сказывался во всем. Должен сказать особое спасибо Карандаевой Л.С. за то, что она подсказала мне приобрести трехтомник Г.С. Ландсберга «Элементарный учебник физики», который взял с собой при поступлении в институт, и который проштудировал от корки до корки. Без него я не смог бы успешно сдать вступительные экзамены по физике. Уровня знаний, полученных в школе таежного поселка Октябрьское при отсутствии приличной библиотеки и интернета, было явно недостаточно.

Безумно любил писать сочинения. Пробовал писать рассказы на тему школьной жизни, но никому не показывал. Помню тему одного рассказа, посвященного незаметному забитому мальчику Гене Штырову. Как часто бывает в классе, выбирается один из учеников, самый безответный, который подвергается насмешкам и приколам. Это меня «зацепило». Тогда я и написал этот рассказ, который заканчивался тем, что неожиданно для всех мальчик обнаружил необычную способность играть в шахматы по памяти, не заглядывая на доску. В общем, конец был добрый, все были счастливы. Высокие оценки за сочинения позволяли мне компенсировать то обстоятельство, что в устной риторике я был не силен, и у доски не всегда был убедителен. Русский язык и литературу вела Зарубина Любовь Яковлевна. Немецкий язык мне не давался. Я не мог понять построение предложений и строил их по-русски. Да и с наличием учителя немецкого в школе были какие-то проблемы. В итоге я

так его и не освоил. После института самостоятельно изучил английский язык.

Как я уже писал, я имел некоторые навыки пения на сцене. В Октябрьске это мое увлечение неожиданно поддержала наша одноклассница Бутерс Наташа, дочь репрессированных немцев. Она прекрасно аккомпанировала на баяне, и мы подготовили для школьных вечеров несколько песен из репертуара Эдуарда Хиля («Человек из дома вышел»), Муслима Магомаева («Голубая тайга»), Олега Анофриева («Песенка ни о чем») и других популярных в то время певцов.

В новой школе порядки были совсем другие. То, что в нашей перегребинской восьмилетке было ЧП, здесь почиталось за подвиг. Проголеть урок или не выполнить домашнее задание – это был некий вызов окружающим! Для меня это было необычно, требовалось переосмыслить новые жизненные установки и определить себя в новых условиях. Я не стал «революционером», возможно, напрасно. Были у нас свои «авторитеты»: Женя Мясников, Слава Кожевников. Они отличались бесшабашностью, уверенностью в своих силах, занимались спортом. Однако, в итоге из нашего выпуска в памяти школы остались медалисты Лоскутов Володя, Кобзарева Люда – пожалуй, самые тихие и незаметные ученики. Я был хорошистом, но не более того. Зато все заботы, касающиеся учебы, я тащил на себе сам, уроки делал самостоятельно, родители мало участвовали в моем образовательном процессе. В дневнике за 10 класс самая популярная запись, сделанная рукой классной руководительницы Карповой Альбины Ивановны: «Где подпись родителей?». Позднее, когда приближалось лето, я переходил на свою собственную методику обучения: внимательно, не отвлекаясь, работал на уроках, а домашние задания делал на перемене, сразу после урока, пока материал был еще свеж в памяти. Это

позволяло выкраивать время для общения с друзьями. В моем круге общения были брат Леонид, Юра Рябенко, Виктор Козлов, Валентин Никитин. Трое из них жили в красивом логу на окраине поселка. Фото сделано в 2012 году.

Вид на Никитинский лог. В лесу много черники

Однажды я все-таки «бросил вызов» серой жизни таежного райцентра. Мой двоюродный брат Владик купил мне т.н. «техасы» – брюки из плотной ткани с заклепками, которые, наверное, носили американские рабочие, выходя на работу. Фокус был в том, что брюки были ярко-оранжевого цвета. Стоял вопрос: носить или не носить? Для подростка провинциальной школы этот вопрос был сродни гамлетовскому. И я решил – носить! Не скажу, что это была бомба, но пришлось выдержать немало насмешек со стороны друзей и упреков со стороны взрослых. Позднее я их ушил по местной моде, со временем ткань заносилась, цвет утратил свою яркость, окружающие привыкли к моему виду, и проблема исчезла сама собой.

В июне 1965 года я встретил свою будущую супругу Пальянову Веру, с которой не расстанусь, несмотря ни на что, уже 48 лет.

Вера – дочь учительницы химии и биологии Пальяновой Парасковьи Прокопьевны, судьба которой была близка судьбе моей матери: ей тоже пришлось изрядно помотаться по Обскому северу, не имея своего угла. Вера, как и я, училась в Свердловске, мы часто встречались. Она училась в Уральском лесотехническом институте по специальности «Целлюлозно-бумажное производство», закончила его на год раньше меня и была направлена по распределению в г. Семипалатинск Казахской ССР. После скромной свадьбы я перевез ее в Димитровград.

В Октябрьской школе я получил профессию плотника, чем горжусь, и что мне немало помогло в дальнейшей жизни. В течение школьной практики мы поставили бревенчатый сруб для нашего учителя по истории. Наверное, было не очень законно эксплуатировать труд детей, но в таежном поселке законы были попроще.

Выпускные экзамены не оставили в моей памяти сильных впечатлений. Экзамены сдал легко, без особых эмоций. Больше запомнился выпускной вечер, который в итоге завершился на речке Серебрянке. Родители постарались и организовали нам на выпускном вечере шикарный стол. Было много речей. Мы тайком выбегали за угол школы и прикладывались к бутылочке с вином. Все было целомудренно. По сегодняшним понятиям. Сохранилось фото нашего выпускного класса. 1966 год, где ты?

На фото я стою третий слева в верхнем ряду, Вера – шестая слева во втором ряду. В центре – наша классная руководительница Карпова Альбина Ивановна, рядом с ней – директор школы Хозяинов Петр Лаврентьевич.

На выбор института повлияло два фактора: увлечение физикой и давнее стремление поехать в далекий город Свердловск, где, как мне казалось, работал мой старший брат Владилен. На са-

мом деле брат работал в закрытом городе Свердловск-45, но для моей мечты это было уже неважно. «Справочник для поступающих в ВУЗы» стал самой актуальной книгой. Там я и нашел информацию о физико-техническом факультете Уральского политехнического института.

Выпускной 10 класс Октябрьской средней школы

Экзамены были уже близки. Сборы были недолги: отец перевез меня на другую сторону реки, где находился местный аэропорт, принимавший гидросамолеты АН-2, посадил в самолет и пожелал удачи. Со мной были девчата из 11 класса: Сюткина Нина, Воробьева Нина и их подружки. В тот год было сразу два выпуска, 10 и 11 классы, поэтому конкурс в институты был двойной. На самолете до Тюмени с посадкой в Ханты-Мансийске летели шесть часов. Самолет всю дорогу болтало, и в Тюмени мы вышли из самолета зелененькими. Вечером того же дня сели на поезд, и ранним июльским утром я приехал в Свердловск.

Учеба на Физтехе УПИ (1966 – 1973 гг.)

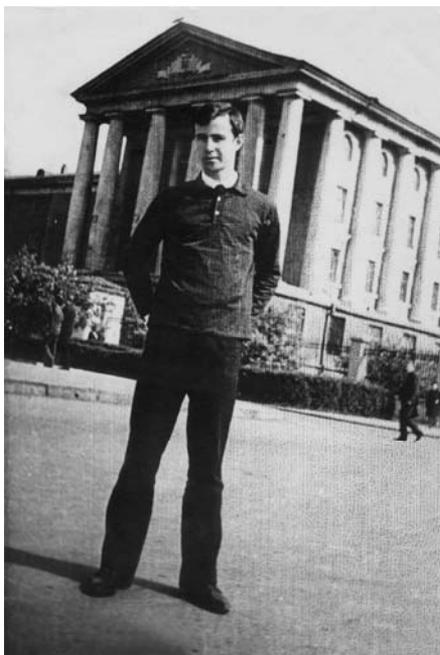
Прямо с вокзала с чемоданом в руках я отправился к институту. В чемодане был трехтомник Ландсберга, другие книжки и тетрадки. Первым трамваем добрался до институтской площади, сел на лавочку. Было шесть утра, и было довольно прохладно. Серая громада главного институтского корпуса навела трепет и уважение. Мне предстояло его покорить. Было немного тревожно.

**Здание Уральского политехнического института.
Главный учебный корпус**

Когда открылись двери института, я сдал свои документы в приемную комиссию, и был определен в общежитие в студгородке. К экзаменам готовился самостоятельно. В те времена репетиторов не было. Все экзамены сдал на «отлично», только за

сочинение получил «хорошо». Темой сочинения был «Революционный романтизм Горького». «Песню о Буревестнике» я знал наизусть, поэтому было немного обидно за то, что не дотянул до отличной оценки. Так я был зачислен на физико-технический факультет Уральского политехнического института.

Первокурсник Канашов Б.А. Еще не верится самому

После зачисления нас определили в факультетское общежитие (10-й студкорпус), которое находилось на проспекте Ленина, отдельно от студгородка. Это обстоятельство делало нас, студентов физтеха, особой кастой. Кроме того, у нас было отдельное учебное здание с колоннами, парадным входом, огромным вестибюлем и более строгой охраной. Тем не менее, нас, как и студентов других факультетов, 1 сентября вместо учебы самым пошлым образом отправили на уборку картошки в дерев-

ню Колюткино. Жили в бараке, спали на нарах, застеленных соломенными матрацами. У входа в барак стояла буржуйка, где мы сушили мокрую одежду и обувь. Осень была дождливой и холодной. Тем не менее, бегали в соседнее село на танцы, которые организовывались на швейной фабрике. Когда вернулись на факультет, все ребята дружно выбрали меня старостой группы.

В комнате общежития нас было шесть человек. В течение всего первого курса по вечерам мы дружно сидели вокруг большого стола, над которым висела единственная лампа. Вся остальная часть комнаты, где стояли кровати, была в темноте. В невероятном количестве решали задачи по матанализу, физике, химии, брали производные и интегралы. Первую сессию я сдал хорошо, затем программа усложнилась, и у меня начались проблемы. Сказывался недостаток «таежного» образования.

Нужно сказать, что я тяжело переносил оторванность от дома, друзей и от родных мест. Поэтому в первые годы учебы я часто ездил к друзьям в Тюмень, к девчонкам-землячкам в поселок Чапаева, к однокласснице Вере Пальяновой в лесотехнический институт. Иногда навещал Юру Вишнякова, который проживал в общежитии радиотехникума. Душа моя рвалась к родным и близким. Я нескоро нашел себе друзей. На первых курсах это были Саня Пузанков, Женя Трошков. Позднее я вошел в круг уфимского землячества: Астафьев Миша, Юра Сокол, Володя Доменко, Саня Цветохин. В этот круг входили также Саня Ковш и Дима Афоничев. В стройотряде я сблизился с Царегородцевым Алексеем, Романцевым Геной, Березиным Саней.

Позднее я все чаще стал ездить в лесотехнический институт. Вера тоже иногда появлялась у нас в общежитии. На фото – заседание редколлегии газеты «Физико-техник». На стене висит

плакат с изображением всадников в буденовке, который сопровождал нас во всех поездках на целинные стройки. Плакат был знаковым. В каком-то смысле он задавал тон революционного романтизма всей нашей стройотрядовской деятельности. Плакат нарисовал мой друг Валеев Наиль.

Заседание редакции «Физико-техника». Слева – Вера

Нам преподавали следующие предметы и науки: общеобразовательные (общая химия, общая физика, атомная физика и т.п.); математические (мат. анализ, методы мат. физики, аналитическая геометрия и т.п.); теоретические физические (термодинамика, электродинамика, статистическая физика, квантовая механика и т.п.); теоретические технические (теоретические основы радиотехники, теория автоматического регулирования и т.п.); просто технические (приборы ядерной физики, импульсная техника и т.п.); и, наконец, специальные предметы,

связанные с ядерной энергетикой и ядерным топливным циклом.

Всего за годы учебы мы сдали около 60 экзаменов, не считая курсовых работ, зачетов, коллоквиумов и т.п. Наиболее трудные предметы были связаны с теоретической физикой. Каждый экзамен был серьезной психологической встряской, и мне еще долго снились экзамены, жил внутри страх, связанный с тем, что я не выдержал эти испытания.

Годы учебы в институте. На заднем фоне – здание ФТФ

Вот примерные темы лабораторных работ по импульсной технике во втором семестре на 4 курсе: асимметричный мультивибратор на транзисторах; мультивибратор с эмиттерной связью на транзисторах; транзитронный генератор (фантастрон)

на лампах (ей-богу, сейчас уже не знаю, что это такое!); симметричный триггер на транзисторах; триггер Шмидта на лампе.

Лабораторные работы по программированию на 5 курсе проходили на клавишных и аналоговых ЭВМ! Когда мы были выпущены из стен института в большой мир, ЭВМ такого типа уже не применялись, и нам пришлось всю новую вычислительную технику осваивать заново.

Конечно, курсовой проект по осциллографу был событием в нашей учебной жизни, тем не менее, мне больше был по душе курсовой проект «Комптоновский спектрометр» по курсу «Приборы ядерной физики», где было больше физики, чем электроники. Много времени проводили на нашей кафедре экспериментальной физики, которой заведовал Филипп Филиппович Гаврилов.

Моя первая ознакомительная практика проходила в НИИХИМ-МАШе, где мы собирали гибридные схемы для контроля и управления процессом дозирования сыпучих веществ (вероятно, порошков двуокиси урана, но нам об этом не обязательно было знать). Гибридная схема представляла собой обычную плату на разъеме, залитую эпоксидной смолой. По существу, это были типовые элементы замены. На вторую производственную практику я отправился на свой страх и риск в Тюмень, куда рассчитывал вернуться после учебы на факультете. Практика проходила в институте ГИПРОТюменьнефтегаз. Там я занимался доработкой, калибровкой и аттестацией вискозиметра – прибора для измерения вязкости жидкостей, в частности, нефти. Не могу утверждать наверняка, что мой нос был постоянно измазан в нефти, однако, в тот год я был горд тем, что место практики и тему работы я избрал самостоятельно.

Моя третья практика и занятия наукой проходили на нашей кафедре под руководством Н. Кордюкова. Как и многие другие студенты, мы изучали спектры излучения и поглощения люминесцентных кристаллов, содержащих редкоземельные элементы. Предполагалось, что кристаллы могут быть использованы в качестве детекторов ионизирующих излучений. Исследовали центры свечения и электронные ловушки – энергетические уровни, ответственные за спектральный состав свечения и фосфоресценции. Это были длинные и довольно однообразные вечера, проведенные за спектрометром. Как человек практический, Н. Кордюков на полную катушку использовал мои изобразительные возможности для изготовления плакатов, представленных на защиту его кандидатской диссертации.

Я пришел в факультетскую стенгазету «Физико-техник» на втором курсе, т.е. в 1967 году. Привел меня туда Николай Кордюков, мой земляк. В те времена в редакции работали такие титаны, как Сергей Гольдштейн, Игорь Дистергефт, Николай Вилков, чуть позднее пришел Наиль Валеев. Весь мой «изобразительно-журналистский» багаж выражался в нескольких номерах школьной стенгазеты и в посещении изостудии при школе. Поэтому на своих наставников я смотрел снизу вверх и, как мог, учился у них. Конечно, наибольшую роль в моей «физико-технической» судьбе сыграл Н. Вилков, который и передал мне позднее портфель редактора «Физико-техника».

Редакции «Физико-техника» поручали не только выпуск стенгазеты, но и оформление факультета (т.н. наглядная агитация), подготовку к факультетским вечерам, смотрам художественной самодеятельности, комсомольским конференциям. Сначала редакция не имела своего постоянного помещения, потом она переехала в закуток, который располагался на 24-ой кафедре в зале, смежном с циклотроном. Помню, уже позднее, в

1970 году, когда я был редактором «Физико-техника», мне поручили к 100-летию Ильича нарисовать его большой портрет, чтобы затем выставить в фойе актового зала в ГУКе. Извращенное чувство ответственности и вера в свои способности сподвигли меня согласиться на это партзадание. Ильич получился маленький, кургузенький (вероятно, таким он и был), каким-либо величием в этом портрете и не пахло. Портрет провисел в фойе 2 дня, затем его сняли. К счастью, я не сильно переживал по этому поводу, и взялся за другой портрет вождя. На этот раз я самым пошлым образом скопировал его через проектор на лист оргстекла и электродрелью прорезал все необходимые штрихи. Когда включили подсветку с торцов оргстекла, портрет засиял. Он довольно долго висел в качестве юбилейной заставки к «Физико-технику». Портрет понравился А. Кружалову, секретарю комитета комсомола института, и он его потом куда-то «замылил». Страничка юмора в стенгазете – предмет особой гордости редакции и факультета в целом. То особое, неповторимое лицо ей придали Н. Вилков, Н. Валеев, Б. Сабанин, В. Доменко, А. Флягин, А. Яремко. Один из видных деятелей студенческого движения тех времен Василий Староверов (познее он стал редактором отраслевой газеты «Атомпресса») говорил тогда о газете: «Не газета, а какая-то канашмель с сосисками». Настоящим праздником творчества для нас был, конечно, новогодний номер «Физико-техника». Здесь можно было позволить себе всякие вольности, за которые потом, правда, нас вызывали на партбюро факультета. Вот образец юмора в номере, вышедшем к 8 Марта: «Не волосы красят женщину, а женщина красит волосы». По-моему, неплохо. По утверждению Н. Вилкова, очередной номер стенгазеты выходил, когда надо. Я проработал в «ФТ» редактором три года и передал газету Анатолию Яремко. Хорошо помню его первый

самостоятельный новогодний номер «Физико-техника». Это было просто здорово! В стенгазете работал талантливый Володя Гудков (на фото). Как и многие из выпускников, он занялся наукой, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертацию. Потом все бросил и посвятил себя искусству (художественной фотографии, живописи). Я встречал его на 60-летию ФТФ. Он признался мне, что во многом этот его шаг был вызван ностальгией по нашим творческим вечерам, проведенным в циклотронном зале. Вообще, те, кто были после нас, были лучше нас. И слава богу.

В редакции «Физико-техника». Рядом Володя Гудков

В институте я увлекался скалолазанием, альпинизмом, фехтованием. Имел третий разряд по этим видам спорта. Был приглашен в народную хоровую капеллу и целый год выступал с ней на институтских концертах.

Однако самый замечательный опыт самостоятельной деятельности я получил в студенческих строительных отрядах. Вероятно, компартия ставила свои, вполне определенные цели, создавая ССО: например, чтобы отвлечь молодежь от пустопорожнего времяпрепровождения или от вольных мыслей на тему устройства социалистического государства. Но несомненно одно: мы учились оценивать обстановку на месте строительства, принимать решения, добиваться достижения цели. И если попутно мы строили дома, коровники, гаражи, кошары, дороги и за это еще получали деньги – ну, что же, это тоже было неплохо. Мой первый выезд со стройотрядом «Гренада» состоялся в 1968 году. Работали в Сургуте на строительстве объектов Сургутской ГРЭС. Строили лесопилку в тайге, прокладывали бетонные дороги, закладывали фундаменты многоэтажных домов.

На строительстве пилорамы в окрестностях Сургута. 1969 год

Жили в больших воинских палатках по 8-10 человек. В каждой палатке стояла печь-буржуйка, на которой мы сушили промокшую за день одежду. Спали на кроватях-раскладушках. Рядом с моей стояли кровати Царегородцева Алексея и Романцева Ген-

надия, тогда еще первокурсников. Однажды мне Геннадий сказал: «Обрати внимание на Алексея. У этого человека большое будущее». В самом деле, карьера Алексея была стремительной: секретарь комсомольского бюро ФТФ, секретарь райкома, а затем горкома ВЛКСМ, помощник Ельцина Б.Н., руководитель секретариата Руцкого В., заведующий общим отделом Московского горкома КПСС, заместитель проректора Института общественных наук при ЦК КПСС, торговый представитель РФ в Нидерландах. После возвращения в Россию работал в исполкоме движения «Отечество» (секретарь политсовета), с 2002 г. – начальник Управления документального обеспечения и архива, с февраля 2003 г. – заместитель руководителя Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания РФ. Сейчас он директор направления по проблемам развития информационного общества в Институте современного развития (ИНСОП), отвечает за разработку «электронного правительства».

Каждое утро лучшему работнику давали право поднять флаг над лагерем. Мне тоже как-то представилась такая возможность. На заднем плане стоит командир отряда Стариков В.

Степень организации стройотряда была высокая. Был командир, комиссар, прораб, бригадиры, свой врач. Пищу готовили девчата, которых набирали в стройотряд по жесточайшему конкурсу. В 1969 году мы работали на Урале в деревне Коптяки, где-то под Новой Лялей. Строили огромный коровник из шлакоблоков и гараж для колхозного автотранспорта. В этом году я придумал будёновку, и она стала непременным атрибутом формы «гренадеров» в последующие годы. Все нам завидовали. В этом же году произошло разделение (отчасти драматическое) между ребятами на «романтиков» и «шабашников». В итоге «романтики» победили, и на следующий 1970 год мы поехали единой командой в Семипалатинскую область, дале-

кий Карабулак, который находился недалеко от границы с Китаем. Каждое утро, выходя на зарядку, мы любовались величественными снежными вершинами Тянь-Шаня. В этот год я был избран комиссаром отряда. Командиром отряда был Алексей Царегородцев.

**Почетное право поднять флаг на утреннем построении отряда.
Сургут. 1969 год**

Несложно догадаться, что на стройке я работал плотником: стелил полы, устанавливал оконные рамы, двери, ставил стропила на крыше и крыл крыши шифером. За неполных два месяца мы построили целую улицу из 15-ти одноквартирных кирпичных домиков и саманную кошару для овец и баранов. Пом-

ню, на завтрак нам привозили целый грузовик спелых арбузов и мешок свежевыпеченного хлеба. Было вкусно. Ездили к пограничникам с концертами, так как местное население не понимало по-русски. Условия проживания были спартанскими, но все были счастливы.

На стройках Семипалатинской области. Казахстан. 1970 год

В 1971 году мы практически тем же составом поехали в Тургайскую область Казахстана, в деревню Ишимка. Здесь также строили жилые домики. Жили в каком-то старом административном здании. Быт обустроивали сами. Сколотили из досок длинные столы, поставили скамейки – получилось место для обедов. Назвали кафе «Меандр». Выпускали стенгазету. Выступали с концертами перед местным населением. Иногда выезжали в районный центр Жаксы за стройматериалами. Фото внизу сделано во время одной из таких поездок в райцентр. Рядом со мной сидит Алексей Царегородцев.

**На стройках Тургайской области.
Казахстан. 1971 год**

Одной из традиций в «Гренаде» было награждение лучшего бойца сезона красной рубашкой – по аналогии с красными «революционными» шароварами, которыми в фильме «Офицеры» награждали бойцов Красной армии. Фильм вышел в 1971 году, и в этом же году первым награжденным бойцом был мой товарищ Саня Пузанков. Мне уже не удалось получить эту награду. А так хотелось.

Поездка с «Гренадой» в Ишимку была моим последним выездом на целину в качестве «романтика».

В дальнейшем мы ездили на заработки небольшой бригадой с моим другом Михаилом Астафьевым, сначала на Урал, в район Ирбита, где мы строили узкоколейную железную дорогу для вывоза из уральской тайги заготовленного леса. Фото наглядно демонстрирует, в каких условиях мы работали. Жили в вагончике, в тайге, по которой бродили беглые заключенные. Под подушкой всегда лежал топор.

Джентльмены удачи. На строительстве узкоколейки на Урале

На следующий год мы отправились в Татарию, в совхоз «Юл-дус», что по-татарски означает «Звезда». Там строили большой колхозный гараж.

Позднее, в Димитровграде я своими руками построил два дачных домика, один деревянный каркасного типа, второй – кирпичный, гараж для еще несуществующего автомобиля, самостоятельно выполнил штукатурные, бетонные, столярные и малярные работы при строительстве квартиры. В то время применялся метод так называемой «народной стройки», когда государство сдавало людям только бетонные стены, а потом предлагало достраивать самим. Оплата за работу, выполненную нами, передавалась строителям. Таким образом, строители «на халяву» получали деньги, мы получали квартиры. По современным понятиям – чисто коррупционная схема. Но все были рады. В Приморско-Ахтарске, где Верина мама оставила ей небольшой домик, уже с помощью наемных строителей я

привел в порядок подсобные помещения и пристрой. Жаль, не успел перестроить сам домик. Нужно сказать, что этот небольшой домик в Приморско-Ахтарске сыграл большую роль в жизни нашей семьи. Наши дети Наташа и Павлик, а затем и внук Саня прошли там серьезный курс летней витаминизации и оздоровления, уезжая туда почти на все лето.

Но вернемся к учебе. Наибольший опыт в части электроники и исследований я получил в группе В.С. Кортova, где готовил дипломную работу по теме: «Экзоэлектронная эмиссия и работа выхода электрона окисленных сплавов циркония». Моя дипломная работа была посвящена разработке измерительных средств и исследованию эмиссии низкоэнергетических электронов (экзоэлектронов) с поверхности циркониевых сплавов, которые широко применяются в атомной промышленности. Позднее замечательный кортовский коллектив оформился в выпускающую кафедру, но в 1972 году это была небольшая группа единомышленников, разрабатывающих интересную и перспективную тему. Для измерения работы выхода электрона использовался метод динамического конденсатора (метод Кельвина). Здесь было все: подготовка образцов, обеспечение вакуума, разработка электронных схем, проведение измерений, обработка результатов эксперимента. Я до сих пор благодарен за помощь в работе Толе Слесареву и другим сотрудникам группы.

Моя дипломная работа сыграла решающую роль в определении моего будущего места работы. В то время в группе В.С. Кортova велись совместные работы с НИИ атомных реакторов (г. Мелекесс, ныне Димитровград) по исследованию экзоэмиссионных свойств сплавов циркония. И Кортov предложил мне продолжить эту работу в НИИАРе. Однако работа в дальнейшем не получила продолжения, поскольку сопутствующие эф-

факты и явления после облучения образцов были настолько сильны, что эффект экзоэмиссии (а это единицы электрон-вольт и малая интенсивность потока) на их фоне уже не имел значения с точки зрения оценки состояния материала, даже если бы удалось разделить в спектральной области. Тема дипломной работы определила место моего распределения: я был направлен в институт атомных реакторов (г. Димитровград), где и работал всю свою сознательную жизнь.

Когда я завершал дипломную работу, ко мне в Свердловск из Семипалатинска приехала Вера. Уже в аэропорту Кольцово перед вылетом мы попытались с ней объясниться, но так ни о чем и не договорились. Перед тем, как уехать по распределению в Димитровград, я еще раз ездил к Вере в Семипалатинск. Снова не сложилось. Позднее, когда я уже переехал в Димитровград, я получил от Веры письмо. С тех пор мы уже не ставались.

Второй брак отца

После того, как мать вышла на пенсию, она с помощью Лавренова В.Г., который к тому времени имел в Тюмени солидное положение, получила небольшую однокомнатную квартиру в г. Ялуторовске и в начале 70-х годов переехала туда. Предполагалось, что отец после того, как достигнет пенсионного возраста (до пенсии оставалось еще года три), также переедет в Ялуторовск. Однако, судьба распорядилась по-своему. Оставшись один в Октябрьском, он встретил Шевелеву Марию Александровну и они стали жить вместе. Как мне позднее признавалась Мария Александровна, она давно заглядывалась на моего отца, и их брак в этих условиях по существу был предопределен. Однако, встав на защиту матери, я категорически не принял этот союз и даже написал отцу обидное письмо, где в резкой форме высказал свое неприятие его решения. Долгие годы я находился в состоянии разрыва с отцом, хотя подсознательно ощущал, что это неправильно. В конце концов, я понял, что так бесконечно продолжаться не может и, когда родился Павлик, восстановил отношения с отцом, несмотря на протесты матери. Более того, когда отец тяжело заболел, я написал ему покаянное письмо, в котором попросил прощения за свой юношеский максимализм. Позднее я понял, что если бы отец не встретил на своем пути Марию Александровну, он попросту бы плохо кончил.

В мае 1998 года отец серьезно заболел, и с переменным успехом лежал в больнице с. Андра с диагнозом «облитерирующий атеросклероз сосудов нижних конечностей». В ноябре того же года наступил паралич правой стороны тела, отнялись рука и

нога, нарушилась речь. В это время я и написал ему свое покаянное письмо. Мария Александровна прочитала ему это письмо, когда он был совсем плох. В декабре речь восстановилась, и его выписали из больницы домой. В дальнейшем держался на лекарствах до мая 2000 года. В июне-июле он уже не вставал с постели, и 15 июля 2000 года скончался. Фото внизу сделано в 1999 году, за год до смерти отца.

Мой отец в последние годы жизни. Октябрьское

Мой отец и Мария Александровна прожили в любви и согласии более 25 лет. Я иногда приезжал к ним в гости. Отец скончался в 2000 году, Мария Александровна – в 2010 году. Теперь они оба лежат рядом на высокой горе Октябрьского кладбища в еловом лесу.

Димитровград. Начальный период

В Димитровград я приехал 1 апреля 1973 года. Весна в том году была ранняя, и на открытых участках снег уже растаял. Одну ночь я провел в гостинице «Радуга», на следующий день был определен в общежитие. В отделе кадров меня встретил г-н Чичеванов, уникальный кадр средмашевской закалки, который, кажется, умел делать все, вплоть до того, что стенографировал мои показания, а потом в течение нескольких минут все необходимые документы отпечатал на машинке. Это было удивительно.

В марте 1975 года, получив от института однокомнатную квартиру, я перевез Веру с Натальей в Димитровград. Фото внизу сделано в 1975 году до нашего переезда в Димитровград.

Когда мы были молодыми...

Чуть позднее, когда родился Павлик, моя мать попросила перевести ее в Димитровград, я также перевез и ее. Она поселилась в отдельной квартире, обменяв свою тюменскую квартиру.

В институте атомных реакторов меня определили в отдел радиационного материаловедения, в лабораторию В.С. Белокопытова, которая занималась исследованием коррозии конструкционных материалов. Лаборатория была преимущественно женской, при этом в год моего прибытия пятеро женщин скоропостижно ушли в декретный отпуск. Из мужиков остались я, Геннадий Кобылянский и несколько лаборантов. Белокопытов не был большим ученым. Исследования проводились, лаборатория участвовала в соревновании, баллы подсчитывались, а науки не было. Может, она и была, но какая-то немотивированная и ремесленная. Я не мог найти своего места в этой науке. Может быть, зря. В дальнейшем я понял ее роль в поведении ядерного топлива, но к тому времени занимался уже другими вещами.

Поскольку у меня всегда была потребность в самоидентификации, меня по молодости потянуло заняться живописью. Я встретил в отделе научно-технической информации двух молодых ребят-оформителей: Сашу Шевченко и Сашу Карнецяна, которые пригласили меня в изостудию при ДК «Строитель». Изостудию вела Александра Ильинишна Сорокина, член Союза художников СССР. Почти каждый выходной, вооружившись этюдником, кистями и красками, ходили на пленэр. Иногда кое-что получалось. В качестве прикладного занятия было участие в выпуске стенгазеты «Кристалл», где также встретил много интересных людей: Прохорова Валерия Ивановича, Колесникова Александра и других. Вспомнив, что когда-то мне нравилось сочинять, стал писать заметки о нашей малонаучной жизни. Позднее начал писать стихи, поздравления друзей с

днем рождения, сценарии для новогодних праздников нашего отдела и НПФ «Сосны». Радовался, когда из-под пера выходило что-либо приличное.

Три свободных художника (Карнецын Саша, Шевченко Саша и я)

Один из этюдов. Масло, мастихин

Когда появились дети, мы с Верой купили дешевый фотоаппарат «Смена-8м», и я несколько лет, пока дети были маленькими, увлекался фотографией. Туалетная комната превращалась в фотолабораторию, и я часами сидел там, приводя в негод-

ность горы фотобумаги. Качество фото было неважное, но были и удачи. На фото ниже Верин портрет.

Портрет Веры

Вскоре я понял, что коррозия конструкционных материалов это не мое призвание. Поэтому, когда появилась возможность, я уехал на целый год переучиваться в МИФИ на факультет переподготовки по специальности «Автоматизация экспериментальных исследований», где пополнил знания в экспериментальных методах ядерной физики и приобрел навыки программирования, которых не имел на ФТФ из-за отсутствия hardware как в нашем студенческом лексиконе, так и в наличии. В МИФИ нас основательно подготовили в области методов автоматизации физического эксперимента, вычислительной математики и обработки информации с использованием мини-ЭВМ (так в старые добрые времена называли компьютеры). Нужно отметить, что учеба в МИФИ носила принципиально

иной характер, отличный от преподавания в УПИ. Преподаватели были для нас в большей степени коллеги, чем наставники: была возможна любая мысль, обсуждалась любая гипотеза. После учебы в МИФИ я поверил в свои силы.

Во время учебы в МИФИ мы часто переписывались с Верой, практически каждый день. Наша переписка служила предметом шуток у студентов общежития. Мы даже попали в студенческую новогоднюю газету. О переписке они узнавали из большого почтового ящика, поделенного на ячейки по количеству букв в алфавите. Почтовый ящик стоял на вахте общежития. В ячейке с буквой «К» всегда лежало новое письмо от Веры.

Позднее Вера тоже ездила на курсы повышения квалификации в Обнинский ЦИПК. Я оставался один с Наташей и Павликом. В ожидании мамы мы вели дневник.

Дети требовали внимания и заботы. Самое примечательное заключалось в том, что эти заботы нас никак не тяготили. Все было в радость. Мы часто ходили в маленькие походы по окрестностям Димитровграда, иногда с палаткой. Однажды ездили всей семьей в дом отдыха «Ершово», в Подмосковье. Когда дети подросли, Вера с Наташей ездили в дом отдыха на Иссик-Куль, а мы с Павликом – в санаторий «Прогресс», на Черное море. Чаще уезжали на лето к бабе Пανε в Приморско-Ахтарск.

Жили сначала вчетвером в однокомнатной квартире, после рождения Павлика в ноябре 1977 года переехали в маленькую двухкомнатную квартиру, в 1988 году – в трехкомнатную, где сейчас и живем мы с Верой вдвоем. Дети переехали в свои квартиры.

Димитровград, НИИАР. Профессиональная деятельность

Моя профессиональная деятельность в НИИАРе носила, в соответствии с законами диалектики, циклический (и, надеюсь, спиралевидный) характер. В первые годы я занимался послереакторными исследованиями облученного ядерного топлива с использованием традиционных разрушающих методов (металлография и т.п.), затем вместе со своими коллегами в группе Дворецкого В.Г. увлекся разработкой неразрушающих методов, что в итоге вылилось в строительство целого комплекса защитных камер для исследования полномасштабных облученных ТВС энергетических реакторов.

В НИИАРе появилась одна из первых ЭВМ – М-6000

Примерно в течение 15 лет я продолжил заниматься послереакторными исследованиями ОЯТ, но уже в другом качестве, с

использованием неразрушающих методов контроля и другой современной техники. Когда же наступила перестройка и родина сказала: ребята, спасайтесь, кто как может, я оставил науку и занялся сугубо технологическими вопросами обращения с ОЯТ, тем более, что это ОЯТ к тому времени мы знали лучше всех в отрасли (без ложной скромности). Чем я и занимаюсь в настоящее время, перевалив за 60-летний возраст.

Так вот, на первом этапе моей профессиональной деятельности, когда в основном приходилось решать задачи материаловедческого характера, мой физтеховский специальный багаж мне практически не пригодился. Пришлось заново изучать новые для меня науки и методы (металловедение, металлография, рентгеноструктурный анализ, электронная микроскопия и т.п.). Сравните с тем, что я изучал в институте, и вы увидите две большие разницы. Только общеобразовательные предметы и математическая подготовка позволили мне в те годы удержаться на плаву.

И лишь когда я перешел к решению задач, связанных с разработкой неразрушающих методов исследований, мне понадобился весь арсенал, приобретенный как на нашем физтехе, так и в МИФИ (первичное преобразование сигналов, передача и обработка сигналов, статические и динамические характеристики измерительных систем во временной и частотной областях, система КАМАК, калибровка измерительных систем, разработка методик измерения, автоматизация измерений, программирование, обработка данных, спектральный и корреляционный анализ, метрология и другие вопросы). Тем не менее, я испытывал огромную потребность в науках методического толка: теория вероятностей, математическая статистика, планирование эксперимента, регрессионный анализ, теория ошибок и т.п. Их тоже пришлось изучать самостоятельно.

Группа обработки экспериментальных данных (машзал). 1998 год

На третьем этапе моей деятельности, когда комплекс защитных камер уже был вооружен необходимым арсеналом технических средств и методик, я вплотную занялся вопросами сбора, хранения и интеграции экспериментальных данных, получаемых с различных экспериментальных установок, размещенных в защитных камерах. Данные о послереакторном состоянии облученных тепловыделяющих сборок (ОТВС) необходимо было организовать в виде многомерной базы данных, структура которой бы отражала логику исследовательского процесса: выдвижение гипотез, проверку гипотез, построение моделей, проверку адекватности моделей и т.п. Для этого снова пришлось изучать программирование (но уже на языках более высокого уровня), системы управления базами данных, регрессионный и факторный анализ. Весь этот инструментарий был «заточен» для того, чтобы изучить характеристики российского ядерного топлива в различных условиях: в ста-

ционных режимах работы, в переходных режимах, в аварийных условиях и доказать его надежность и эффективность. Таким образом, в своей деятельности мне посчастливилось выполнять роль как разработчика методов и средств измерения, так и исследователя.

Оглядываясь назад, прихожу к выводу, что время, когда я работал в лаборатории исследования топлива ОИТ и в группе обработки экспериментальных данных, было самое счастливое время в моей профессиональной деятельности. Много интересной работы, ясные цели, понимающие тебя коллеги, добрые отношения – что еще нужно для счастья? И все это приобретало особый смысл, потому что у меня была Семья.

Лаборатория исследования ядерного топлива. Институт атомных реакторов. 2003 год

Особо следует остановиться на роли иностранного языка в нашей профессиональной деятельности. Недавно услышал поговорку: тот, кто смотрит в прошлое, пусть изучает немецкий

язык, тот, кто заботится о настоящем, должен изучать английский язык, а тот, кто смотрит будущее, неизбежно придет к выводу изучать китайский язык. Я еще не пришел к выводу изучать китайский язык, однако, немецкий язык, который я изучал в институте, мне точно не пригодился. Пришлось заново в рамках подготовки к аспирантуре и сдаче кандидатского минимума самостоятельно изучать английский язык: я научился читать статьи по тематике своей профессии, писать доклады и выступать с ними на международных конференциях, которых было немало.

Позднее, работая в НПФ «Сосны», я побывал во всех странах, где построены АЭС с российскими реакторными блоками типа ВВЭР (Болгария, Чехия, Словакия, Финляндия, Украина), а также исследовательские реакторы, построенные по российским проектам (Сербия, Польша, Румыния, Венгрия), читал лекции в МАГАТЭ (Австрия) о работоспособности российского ядерного топлива в стационарных и переходных режимах, участвовал в проекте по вывозу неиспользованного ядерного топлива реактора SNR-300 (Германия). Везде основным языком общения был английский. Фото внизу сделано в 2010 году в Марракеше (Марокко) на конференции по обращению с отработавшим топливом исследовательских реакторов.

Выступление на международной конференции по исследовательским реакторам. Марокко. 2010 год

Димитровград, НПФ «Сосны» (2000 – 2013 гг.)

В начале 90-х годов, когда либерализация рынка достигла предела, под угрозой были поставлены все наши планы по послереакторным исследованиям ядерного топлива. От этих планов зависел объем работ. Другие подразделения института находились в еще худшем состоянии. Принцип уравниловки, используемый в институте, приводил к тому, что, какой бы объем работ в нашем отделе мы не выполняли, премия оставалась такой же. Мы боролись, как могли: однажды, объединившись с отделом материаловедения, мы вдвоем с Андреем Новоселовым разработали, а затем при поддержке Смирнова В.П. и Смирнова А.В. утвердили у руководства института новое положение о премировании. В течение двух лет оно работало исправно, и наши премии изрядно подросли. Кому-то это не понравилось. Руководство института вынуждено было вернуться к старому положению, и наши премии снова упали. Наш труд не был оценен должным образом. В душе поселилась тревога: как выжить? Как вырастить и дать образование детям? Случайные подработки за счет контрактов с МНТЦ уже не помогали. Нужен был стабильный источник заработка.

Идеи о создании частной фирмы бродили в отделе давно. Но, честно сознаюсь, не в моей голове. Я был идеалистом, который разрабатывал модели построения справедливого и счастливого общества, пригодные для всего человечества. Без шуток. Одну из таких моделей собственной разработки, построенную на принципах коллективной собственности, я доложил на заседании парткома ОРМ, когда секретарем парткома был Социлин Г.И. Мудрый Геннадий Иванович сразу понял нереализуе-

мость этого проекта и назвал мою модель «Четвертый сон Веры Павловны». В четвертом сне («Что делать» Н.Г. Чернышевского) Вера Павловна видит свободную женщину, которая любит и которая любима. Она видит себя в образе богини. Видит Вера Павловна и Хрустальный дворец-сад, благодатные нивы, весело работающих и также весело отдыхающих людей – образ будущего, которое светло и прекрасно, и нет никаких проблем. Стало ясно, что этот проект – несбыточная мечта.

Большую роль в создании ТОО «Сосны» сыграли обширные связи А.В. Смирнова в администрации г. Димитровграда, которые он приобрел, находясь на посту секретаря парткома НИИАР. После того, как устав фирмы был разработан, все учредительные документы были утверждены быстро, и в апреле 1992 года фирма была зарегистрирована. На начальном этапе своей деятельности она занималась организацией перевозок отработавшего ядерного топлива с АЭС в НИИАР на послереакторные исследования. Выгода была двойная: у сотрудников отдела появлялся дополнительный заработок, а институт приобретал объекты для проведения исследований, т.е. работу для сотрудников нескольких подразделений института.

Организацией перевозок я не занимался. Меня привлекли к выполнению договоров, когда появилась потребность в аналитических и обзорных работах, необходимых для заводоизготовителей ядерного топлива. В фирме была создана сначала аналитическая лаборатория, а затем аналитический отдел. По существу, удалось сделать востребованным и оплачиваемым интеллектуальный труд сотрудников, который в рамках институтской системы оплаты труда не ценился. А проблем у российского ядерного топлива было предостаточно. Со временем я перешел в «Сосны» на постоянную работу. В 1998 году фирма была переименована в ООО НПФ «Сосны»

(www.sosny.ru). Некоторое время коллектив также существовал в виде института безопасного транспортирования ядерных материалов (ИБТЯМ) как филиала московского ГУП «Атом-спецтранс». Этот статус помог нам заявить о себе на международном рынке ядерных услуг.

В начале 2000-х годов к моменту появления международной программы RRRFR по возврату свежего неиспользованного и отработавшего ядерного топлива исследовательских реакторов российского происхождения научно-производственная фирма «Сосны» имела отдельное хорошо оборудованное помещение и штат сотрудников как на постоянной основе, так и «по совместительству». Участие в программе RRRFR было большой удачей для фирмы. Пригодился и опыт транспортирования, и знание особенностей ядерного топлива, и опыт разработки оборудования для обращения с ним. Нужно отдать должное учредителям фирмы за то, что они не жалели средств на то, чтобы стать участниками этой программы. В течение двух-трех лет мы ездили в зарубежные командировки на свой страх и риск, не имея на руках ни одного зарубежного контракта. Доказывали, что только мы сможем выполнить эту работу, что у нас «неограниченные возможности», хотя в нашем подвальчике на Димитрова 4а сидело не больше десяти человек. Мы искренне считали, что мы самые лучшие специалисты в России по ядерному топливу. Позднее появились серьезные проекты: ликвидация последствий разрушения ОТВС на АЭС «Пакш» (Венгрия), вывоз ОЯТ ИР из института «Винча» (Сербия) и другие не менее сложные и интересные проекты.

Когда международная программа RRRFR исчерпала себя, мы обратили внимание на проблемы обращения с отработавшим ядерным топливом в России. В основном это были проекты, связанные с разработкой оборудования и технологий по обра-

щению с ядерным топливом, в том числе и разрушенным (хранение, перевозка, переработка и т.п.), обоснованием безопасности (ядерной, радиационной, физической), подготовка разрешительных документов. Часто приходилось бывать на ПО «Маяк» (г. Озерск), куда возвращается на переработку топливо энергетических, транспортных и исследовательских реакторов. Побывал практически на всех АЭС России: Калининской, Балаковской (с энергоблоками ВВЭР-1000), Ленинградской, Курской (с энергоблоками РБМК-1000), Белоярской (БН-600). И настольными книгами являлись труды последних конференций по тематике ОЯТ, международные и российские нормативные документы, регулирующие безопасное обращение с ЯМ и РВ. Так и хочется сказать: век живи, век учись. Но не буду.

Работа в научной сфере всегда сопряжена с сомнениями и терзаниями. А в такой области деятельности, как ядерная техника и технология – тем более. Чем глубже я познавал основы своей профессии, тем больше осознавал масштаб проблем, связанных с последствиями т.н. мирного использования атомной энергии. Тем больше возникало вопросов. Оправдана ли эта деятельность, если мы оставляем потомкам такое количество отработавшего топлива и отходов? Проклятие уранового топливного цикла, заключающееся в накоплении продуктов деления урана и минорных актинидов, создавало столько проблем, что невольно начинаешь задумываться: а стоило ли все это начинать? Плутониевый топливный цикл, в котором неизбежно используется т.н. МОХ-топливо, создает еще больше проблем при организации ЯТЦ. Проект «Прорыв» выглядит, скорее, авантюрой, чем спасением ядерной энергетики. Был бы рад ошибиться.

Семья и дети

У нас с Верой двое замечательных детей, которых мы крепко любим. Старшая дочь Наташа окончила в Димитровграде среднюю школу №5 и поступила на художественно-графическое отделение Тольяттинского педагогического института. Работала преподавателем рисования в общеобразовательной школе, затем преподавателем живописи и рисунка в художественной школе г. Димитровграда. В отличие от многих других преподавателей она – действующий художник. Много работает маслом в жанре натюрморта и пейзажа. В 1997 году она родила нам замечательного внука Александра.

Младший сын Павел тоже учился в школах Димитровграда. Его отношения с советской школой не сложились, и он был вынужден, не закончив 10 классов, пойти работать. До армии работал слесарем-сборщиком в опытно-экспериментальном цехе НИИАР. После армии устроился на работу лаборантом рентгеноструктурного анализа в отдел материаловедения института атомных реакторов. Его непосредственным начальником был Косенков Владимир Михайлович, доктор наук и очень хороший человек. Он сыграл в жизни моего сына значительную роль. Позднее Павлик работал инженером в фирме «Вариант-Информ». В настоящее время (2013 год) работает инженером в научно-производственной фирме «Сосны». Занимается компьютерной анимацией технологических процессов.

Я думаю, что мои дети, когда придет время, сами подробно напишут о себе.

Наши дети: Наташа и Павлик. Нам очень нравится эта фотография

Большую роль в формировании нашей семьи сыграла Верина мама, Пальянова Парасковья Прокопьевна. Всю жизнь она проработала на Обском севере учителем химии и биологии в старших классах. Как и мою мать, Парасковью Прокопьевну вместе с маленькой Верой направляли в северные поселки поднимать образовательный уровень местного населения. Каждый раз на новом месте нужно было обустраивать быт. Своего дома, как и у нашей семьи, у семьи Пальяновых не было, райОНО предоставляло какой-нибудь непригодный для жизни угол. Лишь только после выхода на пенсию она приобрела маленький домик-хатку на берегу Азовского моря в провинциальном городке под названием Приморско-Ахтарск. Этот домик сыграл большую роль в оздоровлении наших детей Наташи и Павлика, а позднее и внука Сани. Почти все лето дети проводили у моря, питаясь свежими овощами, фруктами и местной рыбой. В сентябре дети возвращались домой, а к новому году к нам в Димитровград перебиралась и баба Пана. Парасковья Прокопьевна была исключительно образованным человеком. С ней всегда было можно

поговорить на любую тему, речь была образной, с меткими характеристиками. Немногие знали, что все это было достигнуто самоотверженным трудом. Я слишком поздно оценил достоинства Парасковьи Прокопьевны.

Большое место в нашей жизни занимал дачный период, когда в магазинах вдруг исчезли продукты, и мы перешли к ведению натурального хозяйства. Родина выделила нам три сотки на болоте, где нам удавалось выращивать только ягоды и овощи. Позднее нам удалось приобрести еще шесть соток, но уже в другом районе, где мы разбили небольшой яблочный сад и несколько лет поддерживали его. На фото внизу – сбор урожая.

Сбор урожая на «Рассвете». 2006 год

Вера по-прежнему увлекается разведением цветов как на даче, так и дома. Среди знакомых и подруг – она авторитет. Я же, построив домики, потерял интерес к дачной деятельности.

В 1997 году в нашей семье появился еще один замечательный человек, наш внук Саня Воробей. Само его появление рассматривалось нами как чудо. Было нас четверо в семье, и вдруг стало пятеро! Я пришел с работы, а меня встречают возгласами: «Здравствуй, деда Боря!». Не сразу догадался, что я с этой минуты стал дедушкой. Всей семьей сразу отправились на машине в роддом к Наташе. Машину вел Игорь, отец Сани. Погода в этот день была совершенно необыкновенной: непрерывной стеной валили с небес крупные хлопья мокрого снега и стекла машины мгновенно становились непроглядными. Убедились, что с Наташей все в порядке и вернулись домой.

Когда Наташа с Саней вернулись из роддома, в нашей семье началась новая жизнь. Конечно, Саня стал центром внимания всей семьи и объектом новых забот. Эти заботы радовали, мы с Верой по таким заботам уже соскучились. Когда Наташа вышла на работу, Саня с переменным успехом стал ходить в детский сад, часто сидел с бабушкой. Вера не только кормила и одевала Саню, но и успевала записывать в течение нескольких лет его высказывания. Их накопилось, наверное, несколько сотен. Я как-то предпринял попытку перевести все эти записи на компьютер, но, после нескольких смен компьютеров, файл в итоге затерялся, а восстанавливать его заново уже не хватило духу.

Когда Саня пошел в школу, начались проблемы адаптации с одноклассниками и учителем. Дело доходило до конфликта. Пришлось нам вмешаться. В итоге Саню перевели в другой класс, и конфликт понемногу исчерпал себя.

**Саня иногда приходил ко мне на работу в «Сосны»
и знакомился с компьютером**

В доме всегда было много книг, в том числе детских. Вере удалось создать целую библиотеку сказок народов мира. Когда в семье появился видеомаягнитофон, мы собрали видеотеку BBC по теме «В мире растений и животных». Саня часто смотрел их сам. Позднее этот интерес превратился в более серьезное увлечение биологическими науками. В целом он более склонен к гуманитарным наукам: физика и математика давались ему не просто. Зато языки усваивал легко. Удивительно, что он не терял интереса к английскому и в течение шести лет безропотно ходил к репетитору, подчеркивая при этом, что эти занятия ему нравятся.

В 2013 году он поступил в 10 класс академической гимназии при СПбГУ по специальности «Биология». Дальше он будет писать свою биографию сам.

Отношение к карьере

Я всегда считал себя творческим человеком и поэтому, когда представилась возможность, подал заявление о переводе на должность научного сотрудника. Успешно сдав вступительные экзамены, я даже поступил в заочную аспирантуру по специальности «Математические методы в научных исследованиях». Затем, как положено, сдал экзамены кандидатского минимума, но диссертацию не защитил. Почему?

Я сам часто возвращался к этому вопросу. В первую очередь, не хватило проявления воли. Я не умел отказывать людям в просьбах, т.е. не умел говорить «нет», откладывал свои собственные интересы «на потом». Эта мягкотелость у меня, наверное, от отца. Он тоже не был прагматиком. Во-вторых, во мне не было заложено этого стремления – делать карьеру. Мои однокурсники-свердловчане с первого курса обучения в институте были «заточены» на научную карьеру. У меня такого желания не было, тем более, что часто видел, как делаются такие «диссертации». Годы, когда мне нужно было заканчивать аспирантуру и писать диссертацию, выпали на пуск в эксплуатацию комплекса первичных исследований твэлов и ТВС, здание 117. Мне было поручено оснастить защитную камеру К-4 оборудованием и методиками для измерения наружного диаметра и вихретоковой дефектоскопии твэлов различного типа. Работали по 12 часов. Домой уезжали из НИИАРа на последнем автобусе. Бросить на полпути эту задачу было невозможно.

Вторая причина заключалась в том, что я ошибся в выборе специальности для защиты диссертации. Как я уже говорил, я выбрал специальность «Математические методы в научных

исследованиях». Чтобы защититься по этой специальности, нужно было самому найти соответствующий институт и ВАК для защиты, найти своих оппонентов (математиков!), т.е. самому протоптать дорогу к защите. В то время как мои коллеги, защищавшиеся по специальности «Ядерные энергетические установки», не имели таких проблем – они были известны в кругу своих коллег, специалистов по реакторному материаловедению. Эта неопределенность в выборе специальности меня всегда угнетала.

Жалею ли я о том, что не преодолел квалификационные требования и не стал остепененным ученым? Конечно, сожалею. Угроза моей деятельности и репутации стала проявляться, когда молодые специалисты стали активно защищаться и занимать высокие должности в научной иерархии. Находиться под началом человека, которому ты еще вчера передавал свои знания и опыт, помогал найти свое место в исследовательском процессе, не так-то просто. Мне повезло с моими научными и административными руководителями Смирновым В.П. и Смирновым А.В. Они всегда были для меня авторитетами. И я работал с ними до конца своей научной деятельности, пока этот тандем не распался.

Отношение к политической системе в СССР и РФ

Как я уже писал, я вступил в комсомол еще в восьмом классе Перегребинской школы и даже был секретарем комсомольской ячейки. Однажды меня выбрали делегатом районной комсомольской конференции, которая не оставила о себе никаких впечатлений, видимо, по причине отсутствия содержания. В старших классах Октябрьской школы комсомол как явление отсутствовал. Всерьез я столкнулся с деятельностью комсомола в студенчестве, когда учился на физико-техническом факультете УПИ. УПИ позиционировал себя как кузницу руководящих индустриальных кадров. Об этом нам постоянно напоминали. И институт включал все рычаги, чтобы подчинить весь процесс обучения и формирования специалистов этой задаче. Комсомол также был пристегнут к тройке «партия-профсоюз-комсомол». Задачами комсомола на ФТФ были: успеваемость, политическая зрелость и ликвидация свободного времени студентов путем его заполнения разными мероприятиями. Не помню, как мы воздействовали на успеваемость. Политическая зрелость студентов поддерживалась, в том числе, стенгазетой «Физико-техник» и наглядной агитацией в виде планшетов, развешанных на стенах факультета. На ликвидацию свободного времени были брошены самодеятельность, спорт и строительные отряды. ФТФ во всех сферах был первым в институте, и главная заслуга в этом комсомольского бюро факультета. Праздничные вечера, организованные на ФТФ, были очень популярны и привлекали самых лучших девушек со всего Свердловска. Комсомольская деятельность не была навязанной сверху, мы, выходцы из провинций, легко подхва-

тывали суть требуемых задач и с энтузиазмом бросались решать их, порою в ущерб учебе. Студенты-свердловчане были более прагматичными людьми: они больше времени отдавали учебе и своей будущей карьере.

В институте атомных реакторов комсомольская жизнь была. Но какого-либо впечатления о себе не оставила: это было время застоя. Общественная мысль всколыхнулась в начале 80-х годов, когда со сцены сошел Л. Брежнев, и началась чехарда с генсеками. Во мне снова проснулся зуд общественной деятельности, и я, будучи в ясном сознании, вступил в КПСС. Мне казалось тогда, что можно легальным образом изменить эту систему, стоит только предложить справедливую модель устройства общества. В этом заблуждении я находился недолго: первое же поручение возглавить комитет народного контроля в ОРМ и изучение «Закона о народном контроле в СССР» привели меня в уныние. У народного контроля не было никаких прав воздействовать на положение дел в обществе. Народный контроль был такой же пристяжной лошастью к тройке «партия-профсоюз-комсомол», как и другие институты общественной жизни. Его представители также отчитывались на парткоме предприятия, хотя не подчинялись ему. Хитрость была в том, что руководить народным контролем назначали всегда коммуниста. А вот уж он-то должен был отчитываться перед партией, как миленький.

Я воспарил духом, когда генсеком ЦК КПСС был выбран М. Горбачев. С жадностью читал материалы 18-ой партконференции, выписывал журнал «Известия ЦК КПСС», в котором обсуждались все текущие вопросы перестройки и печатались стенограммы заседаний Политбюро, что было невозможным во времена Л. Брежнева. Это время совпало с моей подготовкой к экзаменам в аспирантуру, где я начитался литературы по диа-

лектическому и историческому материализму. Конечно, в то время мы уже вздохнули изучали труды Г. Попова, А. Афанасьева, других экономистов, читали публицистов Карякина Ю., Стреляного А., Черниченко Ю., Шмелева Н., знали имена А.Д. Сахарова, А.И. Солженицына. Я прозревал на ходу. Все вокруг я увидел в другом свете. Окончательно меня добил мой коллега по ОИТ Володя Золотухин, когда сказал, что норма прибыли в СССР для предприятий составляет 900 %! А по Марксу норма прибыли – это степень эксплуатации человека. Я бросился читать. Точно: в капстранах норма прибыли на частных предприятиях не превышает 30 %. Вот те на! Выходит, наше любимое государство – наихудший эксплуататор.

В конце 80-х годов я включился в активную политическую жизнь, и, будучи секретарем партбюро отдела первичных исследований (позднее он стал называться отделом исследования твэлов и ТВС), понимал свою роль как проводника идей перестройки, в которую поверил. На меня большое влияние в то время оказал Геннадий Иванович Сочилин, наш перестроечный секретарь парткома ОРМ в середине 80-х годов.

В 1989-90 годах Советский Союз потрясли забастовки шахтеров Кузбасса. Союзные власти и ЦК не смогли решить проблему. Вся страна вынуждалась помогать шахтерам, был организован счет, на который переводились пожертвования. Мы в ОИТе были настроены решительно, и на одном из партсобраний решили передавать свои партийные взносы не на содержание центрального аппарата КПСС, а перевести их на шахтерский счет. В партком НИИАРа я приносил вместо взносов квитанции о переводе средств. Это был наш первый вызов системе.

Дальнейшие события привели нас к решению о выходе из КПСС. На одном из партсобраний, практически единогласно

(воздержался И.А. Плотников) мы решили написать заявления. Что и сделал каждый из нас. Я собрал стопкой 19 партийных билетов, 19 заявлений о выходе из партии, отнес их в партком НИИАР и положил на стол секретарше. Позднее я изложил причины выхода из партии в городской газете «Димитровград-панорама». После нас выход коммунистов из партии в НИИАРе был массовым.

То время было насыщено событиями, и нужно было незамедлительно искать ответы на заявленные вызовы. Сохранился страстный документ под названием «Обращение сотрудников исследования твэлов НИИАР к Российскому парламенту, к депутату РСФСР от г. Димитровграда Кузину А.В., ко всем жителям г. Димитровграда». Ниже привожу его полный текст, который я сочинил лично. Документ написан в 1990 году в преддверии референдума о сохранении СССР.

«В парламенте РСФСР и республике в целом сложилась чрезвычайная ситуация. Противостояние демократических и консервативных сил становится критическим. Отсутствие надежды на лучшие перемены, война союзных и республиканских законов истощили наши экономические, политические и душевные силы. В условиях абсолютного недоверия любые шаги союзных органов, будь они позитивные или негативные, вызывают только негодование: мы не верим ни президенту, ни союзному парламенту, ни новому премьеру – стократно подтверждали они свое лицемерие. Со страхом мы смотрим, как вылазит из политических окопов и могил классовая непримиримость, готовая взять на вооружение любые методы классовой борьбы: кровь, насилие, ложь, подкуп привилегиями. Ничего, кроме возмущения, не вызывают оруэлловские центральная печать и центральное телевидение.

С надеждой и болью мы следим за событиями в Российском парламенте, за деятельностью Б.Н. Ельцина. Мы уже не верим в спасительных героев и знаем, что наш председатель Верховного Совета – не герой, что и на выбранном им пути возможны ошибки, и что последнее его выступление, возможно (при активном участии ЦТ), не было удачным. Однако, мы должны со всей определенностью заявить, что в главном мы поддерживаем политику Б.Н. Ельцина и демократического крыла Российского парламента. Это означает, что мы также, как и председатель Верховного Совета РСФСР, убеждены:

– без демонтажа существующих политических структур любая реформа, в том числе экономическая, обречена на провал, если только она не ставит целью нас обмануть;

– без подлинного признания суверенитета республик новый Союз не создать, как бы ни были красивы слова о нем;

– без собственных государственных структур (милиции, суда, прокуратуры, средств массовой информации, финансовых и других органов) не может быть создана независимая и суверенная РСФСР;

– без исполнительных структур нельзя требовать от Российского парламента и Совмина результатов и обвинять их в бездействии – любой шаг и решение парламента в направлении придания динамики и эффективности нашей экономике торпедируется блоком коммунистов России, прикрывающихся саваном социальной справедливости, а по существу насмерть вставших на защиту кастовых интересов. В этом процессе активную роль играют, к сожалению, депутаты от Ульяновской области и Димитровграда, в том числе депутат Кузин А.В.

Кроме того, мы считаем:

– суть момента заключается не в противостоянии законов, а в несоответствии этих законов, в частности, Конституции СССР, новым отношениям и новым требованиям в обществе;

– если союзный парламент претендует на доверие или существование вообще, то его состав должен быть приведен в соответствие с расстановкой сил в обществе – это означает, что нужны свободные демократические выборы на многопартийной основе без плацкартных бронированных мест для номенклатуры;

– для определения такой расстановки сил достаточно выборов, но если референдум неизбежен, то его необходимо проводить сначала в республиках, как субъектах Союза.

– Что касается союзного референдума, мы заявляем следующее:

– Союз, основанный на принуждении и подавлении, не имеет права на существование; новый добровольный Союз можно создать, только заново путь от федерации суверенных государств, заново нащупывая курс в фарватере межнациональных отношений;

– вопрос, вынесенный на союзный референдум, есть ловушка для простаков, где за громкими фразами прячутся иные цели: именно от нашего имени при положительном исходе референдума будут вводить танки на территории союзных республик, от нашего имени будут свергать неудобные правительства, от нашего имени будут навязывать республикам определенную идеологию;

–результаты референдума не должны иметь силы на территории республики, где большинство населения ответило на поставленный вопрос отрицательно.

К сожалению, в вопросе существования РСФСР Российский парламент пошел по тому же пути, что и союзный, отняв у автономий право определить самостоятельно свою судьбу. Если российский референдум все-таки состоится, мы будем голосовать за существование РСФСР хотя бы потому, что еще доверяем российскому парламенту и правительству, и уверены, что наше «за» не будет использовано во зло для автономий.

Второй вопрос, вынесенный на российский референдум, о президентстве в РСФСР для миллионов россиян есть вопрос о том, будет ли Б.Н. Ельцин президентом России. Как никогда, сегодня нам нужно правительство народного доверия. Возможно, мы ошибаемся в кандидатах, но мы должны иметь возможность сделать свой выбор – вот в чем суть проблемы. Нам нужен механизм свободного волеизъявления: государство, в котором решения принимают одни, а расплачиваются за них другие, никогда не будет великим государством. Если же такой механизм будет, мы перенесем все тяготы и трудности, не ропща и не пытаясь найти виноватого. Поэтому мы требуем внести в бюллетень референдума вопрос о президентстве.

Российский парламент принял решение о созыве внеочередного съезда народных депутатов РСФСР, где коммунисты России решили дать бой председателю Верховного Совета РСФСР. Уважаемый депутат Кузин А.В.! Если Вы не можете поступитья принципами, при голосовании нажмите кнопку «воздержался» – вот такой наш Вам наказ. К сожалению, это единственное, что мы можем сделать, чтобы проявить свою волю в нашем право-

вом государстве – механизма отзыва народных депутатов до сих пор не существует.

Жители г. Димитровграда! Нас призывают к консолидации, и это правильно. Но лукавые политики от КПСС умалчивают о том, на какой основе должна осуществляться эта консолидация – на основе власти номенклатуры? На основе ложно понимаемого равенства республик? На основе танкового суверенитета? На основе гласности под прицелом ОМОНа? – Никогда! Такой Союз нам не нужен.

Коллектив ОИТ НИИАРа»

В начале 90-х годов, пытаясь не остаться в стороне от событий в стране, я баллотировался в депутаты городского совета г. Димитровграда по избирательному округу №140. Проводил в домах микрорайона собрания, разъяснял свою программу действий. Сохранились тезисы моей предвыборной программы. Должен сказать, что большинство положений, изложенных в них, я поддерживаю и сейчас, после того, как опыт первых демократических преобразований в РФ оказался, мягко говоря, неудачным.

Вот эти тезисы.

1) Считаю, что социализм есть система общественных отношений с многообразными видами собственности, включая и частную, для каждого вида собственности необходимо свои механизмы, регулирующие их развитие. При этом преимущественно необходимо предоставлять коллективным видам собственности, которые в наших условиях могут формироваться как путем свободного объединения частных собственников, так и путем разгосударствления государственных форм собственности. Считаю также, что социализм способен решать социаль-

ные проблемы и при более низком уровне развития производительных сил, чем в странах свободного рынка.

2) Считаю, что понятие права тесно связано с понятием собственности; никто в стране не может распоряжаться чужими средствами, каждый может распоряжаться лишь тем, что он сам создал, заработал или тем, что ему доверили или отчислили. Здесь лежит ответ о правах центральных исполнительных органов власти и партийного аппарата, претендующего на руководящую роль.

3) Воля трудящегося должна выражаться через его полномочных представителей – Советы. И до тех пор, пока не заработает власть Советов, народ будет получать демократию из рук бюрократии. Местные Советы есть продолжение советов трудовых коллективов (СТК).

4) В правовом государстве государственные органы подчиняются праву, а не наоборот. Государство – слуга общества. Задача заключается в создании механизмов выявления гражданской воли, оформляющейся в форме законов.

5) Государственные предприятия со своей долей коллективной собственности есть основа социалистического уклада общества. Кооперативы – пробный шар в развитии экономических отношений.

6) Многопартийная система неизбежна.

Из анализа программы следует, что я был, скорее социал-демократом. Забавно, что в этой предвыборной программе я не давал никаких обещаний, как это делают нынешние кандидаты в депутаты. Они обещают повысить зарплаты, увеличить пенсии, дать всем жилье, но не знают, как «раскрутить» экономику – основу зарплат, пенсий и жилья. Выборы проходили в

два тура: в первом я набрал наибольшее количество голосов, но не набрал нужного процента; во втором туре, когда было выдвинуто два кандидата, не хватило голосов, чтобы считать выборы состоявшимися. И слава богу. Как бы обернулась моя судьба, учитывая, что мог увлечься этой деятельностью, не знаю. Все к лучшему. Позднее, когда встал вопрос о выживании нашей семьи, я стал более прагматичен, и по первому предложению Алексея Смирнова перешел работать в частную научно-производственную фирму «Сосны».

Подводя итог этой теме, я хочу подчеркнуть, что в вопросах определения своего социального статуса мною водила некая рука, которая пыталась через меня исправить историческую несправедливость, проявленную по отношению к моим репрессированным предкам. И хоть сам я не стал частным собственником, я поддерживал разнообразие форм собственности, как мог.

Отношение к религии

Впервые с религиозными взглядами я столкнулся в возрасте 5-6 лет в заброшенных северных юртах Проточные, население которых состояло, в основном, из местных жителей, ханты и манси, которые проповедовали язычество. В деревне было всего три русских семьи. Ханты и манси в те времена уже жили оседло, промышляя охотой, рыбалкой, сбором шишек, ягод и грибов. Жили они в чумах, но кое-кто уже перебрался в деревянные домишки. Деревянный, просторный по тем временам дом был и у местного шамана. Поскольку советскую власть представляли в основном русские семьи, влияние шамана на жизнь в деревне было невелико. Он был одним из равных, как и все боролся за существование в этом заброшенном поселении. Правда, малица у него была подобротней, чем у других, глиняная подовая печь во дворе не выглядела убогой, как у других, и в доме было попрличней. Ханты и манси приветливый народ. Я был несколько раз в доме шамана. Весь дом, который мне казался большим, представлял собой одну комнату без перегородок. Вдоль длинной стены были установлены нары, застеленные шкурами животных и расшитыми одеялами. Спали на нарах все вместе, уложившись рядами. С правой стороны был очаг в виде кирпичной печки, размером чуть больше буржуйки. Слева – стол и лавки, вплотную приставленные к стене. В доме шамана, как и у всякого местного ханта, пахло рыбой. Этот запах был неистребим, он потом вошел и в нашу жизнь, так как питались чаще всего рыбой. Иногда у него пахло свежее испеченным хлебом из черной муки, который готовила сама хозяйка в подовой печи на улице. Но запах все равно при-

носила в дом. Однажды они угостили меня таким хлебом. Было вкусно.

Мировоззрение хантов и манси было простым и понятным. Они одушевляли все предметы, окружавшие их: землю, небо, солнце, деревья, зверей в лесу, старались познать души этих предметов и жить в согласии с ними. За каждым явлением или значимым предметом стоял отдельный бог. Чтобы эти разнообразные боги не забывали о них и были благосклонны к ним, местные жители оставляли им особые знаки в виде разноцветных тряпочек, привязанных к веткам специального дерева. Дерево стояло в стороне от деревни, на открытом мысу, куда мы часто бегали. Помню, что дерево вызывало особый трепет, и мы к нему никогда не приближались, тем более не прикасались руками. Как я понимаю сейчас, за каждой тряпочкой на священном дереве стояла просьба к одному из богов об удаче, здоровье и счастье в личной жизни.

Так что религия языческих народов ханты и манси была простой и естественной, как сама природа, и не вызывала каких-либо вопросов и, тем более, неприятия.

В Перегребном, поселке, созданном специально для репрессированных переселенцев, какая-либо религия была выжжена начисто. Органы зорко следили за тем, чтобы у всех была единая идеология. Тем не менее, я думаю, люди старших поколений в ранние годы становления поселка втайне отдавали дань своим религиозным традициям. Однако стоило кому-либо ненароком открыться в своих подлинных взглядах, как человек на долгие годы исчезал. Даже будучи репрессированными, люди могли быть осуждены дополнительно за свои взгляды и даже расстреляны. Трудно было представить, что всем этим процессом управлял всевидящий, всемогущий и милостивый

Господь Бог. В послевоенные годы верующих людей в поселке уже практически не было, все мы к тому времени были советские люди, да и репрессивная машина в шестидесятые годы уже ослабла.

Нужно подчеркнуть, что, несмотря на отсутствие церкви и батюшки в поселке, все библейские заповеди соблюдались. Не помню случаев убийств, воровства и других тяжких грехов. Пройдя тяжкие испытания репрессиями и войной, все жили дружно. Объединяла людей БЕДА. Много работали, почти все отдавая государству, лишь немного оставляя себе, чтобы набраться сил и снова работать на государство. Собственников в поселке не было. Все были рабами у государства, и труд был рабский. Самым тяжким грехом у мужиков было пьянство. Питьевой спирт всегда был в наличии в местном магазине, в отличие от других продуктов питания. Спирт государство поставляло исправно. Бесконечный безнадежный труд загонял мужиков в запой, и женщины брали на себя мужские заботы.

Я думаю, что даже если бы в поселке появился батюшка, он тоже запил бы, от тоски, от темных, бесконечно длинных зимних дней и ночей, от безысходности. Духовными скрепами в поселке были любовь, семья, дети, дружба между пострадавшими семьями, взаимовыручка, сострадание к попавшим в беду и вера в то, что когда-нибудь это закончится, и дети смогут построить себе новую жизнь. Центром духовной культуры были школа, как центр просвещения, и поселковый клуб, который никогда не пустовал. Церковь со своими загробными радостями была не нужна.

О существовании церкви как части общественной жизни я узнал в районном центре Октябрьское, где здание Троицкой церкви было выстроено на высоком берегу и было доминантой

не только поселка, но и всего края. К тому времени, как наша семья переехала в райцентр, здание церкви было значительно разрушено, и от него остались одни развалины да легенды о несокрушимости кирпичной кладки. Тем не менее, эти рассказы и легенды волновали наше сознание. Однако дополнительной пищи для размышлений на эту тему не было, не было книг, не было интернета. Любопытство и внимание к религиозной теме осталось. Привлекала необыкновенная архитектура церковных сооружений: храмов, колоколен, дворовых построек. Всегда поражало место, выбранное для строительства храма. Уже визуально церковь притягивала к себе взоры, и пройти мимо нее, не отдав дань этой красоте, было невозможно. Понятия бога в душе не существовало, и нужды в нем не было.

На физико-техническом факультете Уральского политехнического института, где господствовала наука, и где сам процесс познания и каждое исследование на кафедре было покушением на божью вотчину, о какой-либо религии не было и речи. Тем не менее, наше мировоззрение формировалось специальными предметами, такими, как «Диалектический материализм» и «Исторический материализм». Наверное, самая большая беда была не в основах этих наук (многие их положения выдержали испытания дальнейшими событиями в стране), а в том, что мы изучали их по учебникам-толкователям, в которых философские проблемы были изложены крайне тенденциозно, в русле политических интересов правящей партии. Даже первоисточники предлагались в ограниченном комплекте: В.И. Ленин, К. Маркс, Ф. Энгельс, решения съездов КПСС и пленумов ЦК. Всерьез не было речи ни о философах древней Греции, ни о Р. Декарте, ни о Спинозе, ни о Канте, Гегеле или Фейербахе. Были только краткие упоминания о них, раскрывались их гносеологические корни, и излагалась критика их философских

взглядов. Так, вместо Г. Гегеля мы читали «Философские тетради» В.И. Ленина с его пометками по поводу гегелевских высказываний. Позднее я узнал, что В.И. Ленин всерьез познакомился с трудами Гегеля только в 1915 году, т.е. свою главную философскую книгу «Материализм и эмпириокритицизм» (1909 год) он написал, глубоко не изучив работы Гегеля, хотя упоминает его в этой книге. Так что философом В.И. Ленин был никудышным.

Беда не в этом. На самом деле в начале XX века в физике происходили события куда более серьезные для понимания законов мироздания, чем прочтение В.И. Лениным работ Гегеля. В ноябре того же 1915 года два великих ученых, один из них физик, а другой математик опубликовали свои работы, заложившие основы общей теории относительности. Я имею ввиду работы А. Эйнштейна и Д. Гильберта. Даже если принять во внимание ограниченность ОТО (невозможность построения для неё квантово-полевой модели), физикам стало ясно, что познание природы есть движение от одной модели к другой.

Особенно это стало ясно после попытки Д. Гильберта создать физику на основе аксиоматического принципа, который он использовал при построении математических теорий. Смысл его заключался в том, что стоит найти набор непререкаемых истин в какой-либо области знаний, как путем логических построений можно построить завершённую (полную и непротиворечивую) модель этой области знаний. Слава Богу, появился К. Гедель, который показал, что всякая система, построенная человеческим разумом, является либо неполной, либо противоречивой. Это означало также, что процесс познания бесконечен.

Теперь уже и С. Хокинг, самый активный участник создания теории ВСЕГО, стал сомневаться в возможности построения

финальной теории. Но даже если такая теория будет построенна, с точки зрения теоремы Геделя она не может рассматриваться как истинная. Такая теория не может гарантировать, что в будущем в физической вселенной не будет открыто ничего нового, что должно затем потребовать другой финальной теории и т.д. Теорема Геделя предполагает, что если ученые задаются целью понять «задумку Бога», то они будут двигаться к этому бесконечно долго или – пока существует человечество.

Самый серьезный шаг в понимании законов развития природы, человека и общества я сделал, когда готовился к экзамену по философии при поступлении в аспирантуру и во время сдачи кандидатского минимума. Несмотря на то, что экзамен был по марксистско-ленинской философии, в 80-х годах можно было более свободно пользоваться первоисточниками, хотя суть предмета оставалась прежней, и в основе всех социальных вопросов лежал классовый подход. В этот период мне удалось, кроме К. Маркса и Ф. Энгельса, прочитать в первоизданном виде основные работы Э. Канта, Г. Гегеля, Л. Фейербаха, из российских философов – Г.В. Плеханова. Но информация о драматических событиях, которые происходили в физике в начале XX века, была все еще недоступна.

Даже при углубленном изучении истории философской мысли мы не изучали историю религии с именами таких великих мыслителей как Иисус, его ближайшие последователи, св. Августин, Фома Аквинский, М. Лютер. В этом смысле мы были беззащитны перед духовными притязаниями священнослужителей, которые в 2000-е годы активизировали свою деятельность и практически «за так» приобретали человеческие души, не нашедшие своих собственных взглядов на этот мир. Позднее мне пришлось самостоятельно изучать эти вопросы и приходиться к простой мысли о том, что именно человек породил

идею Бога, а не Бог породил человека. В этом мне значительно помогли Э. Ренан, К. Армстронг и Б. Рассел. С удовольствием читал Ричарда Докинза, популяризатора теории эволюции Ч. Дарвина, и С. Хокинга в его популярном изложении современных взглядов на структуру Вселенной.

Вот с таким мировоззренческим багажом я и столкнулся с вызовами, которые проявились в России в виде всеобщего помешательства на почве креационизма и усиления роли РПЦ. Это было настоящее испытание. Мои близкие друзья стали один за другим заявлять, что они с некоторых пор задумались о существовании Создателя, и что Православие помогло им ответить на вопросы, связанные с возникновением Вселенной, нашей солнечной системы, Земли, Природы, человека и общества. И в самом деле, если принять на веру ВСЕ догматы Церкви (о существовании Бога, о непорочном зачатии Марии, о воскресении И. Христа, о его божественной сущности, о чудесах, о загробной жизни, о наличии святой Троицы и т.п.), то все становится на свои места. Картина мира становится простой и понятной. Не надо задумываться, сомневаться, испытывать чувство неполноценности по поводу ничтожности всего живого на Земле, или трепетать перед бесконечностью Вселенной, не надо пытаться представить вечность, не надо комплексовать по поводу происхождения человека от неприглядного предка.

Я думаю, что для большинства людей, принявших эти догматы, жить стало удобней. Для других это была единственная возможность найти мировоззренческую опору. Однако большинство моих близких коллег к тому времени уже имели естественнонаучные представления о мире и понимали, что рано или поздно наука ответит на все вопросы, которые будут возникать на пути человека. И этот процесс бесконечен, пока существует человечество, или в других уголках Вселенной будет

существовать разум в каком-либо другом его виде. Познание Природы это и есть познание творений «Бога». Об этом и говорил Г. Гегель, настаивая на познании Абсолютным Духом самого себя.

Сегодня большинство ученых утверждают, что даже если они не могут полностью объяснить происхождение вселенной, жизни, природу сознания или природы времени, ответ на эти вопросы не должен подразумевать привлечения Бога. Поиск и надежды на появление фундаментальной единой физической теории ВСЕГО в каком-то смысле, конечно, похож по своему духу на обоснование всего существующего мира с использованием Создателя. Но если появление новых, более совершенных теорий, есть процесс, то система взглядов теистов (креационистов и т.д.) есть система догматов. Именно поэтому антитезой понятия «вера» является не «знание», а «сомнение». Именно сомнение является источником движения мысли, т.е. познания.

Для меня ни один из догматов Церкви, конечно, не мог быть принят ни при каких условиях. Кроме первого. Я всегда оставлял место для Бога, когда восхищался красотой идей, которые пришли в голову Иисуса в те далекие дикие времена. Я также не мог объяснить ничем другим появление поэмы А.С. Пушкина «Евгений Онегин», светлых картин К. Коровина, потрясающих симфоний Д. Шостаковича. Для таких явлений нет рациональных объяснений: в эти минуты, минуты вдохновения, над ними, конечно, пролетал Создатель и касался их головушек, воспаленных пламенем чувств. Именно в таких случаях мы имеем дело с чудом... Интересно, что на этом месте мы расходимся во взглядах с моим коллегой Олегом Баринковым, с которым у нас в основных вопросах нет расхождений. Он считает, что никакого чуда в этих явлениях нет, и утверждает, что если очень долго разбрасывать буквы на плоскости, то рано или

поздно они сложатся в поэму «Евгений Онегин». Просто для этого нужно иметь очень много букв и очень много времени. Я не могу так долго ждать. Я лучше поверю в наличие Бога. О чудесах лучше всего сказал Вадим Шефнер:

*Не привыкайте к чудесам -
Дивитесь им, дивитесь!
Не привыкайте к небесам,
Глазами к ним тянитесь.*

*Приглядывайтесь к облакам,
Прислушивайтесь к птицам,
Прикладывайтесь к родникам, -
Ничто не повторится.*

*За мигом миг, за шагом шаг
Впадайте в изумленье.
Всё будет так – и всё не так
Через одно мгновенье.*

Но я не являюсь атеистом. Атеизм – не наука, это всего лишь отрицание существования Бога. Наука обладает определенными атрибутами: методологией, совокупностью моделей, базой знаний. Ничего этого у атеизма нет. Прав был Ф. Энгельс: «Атеизм, как голое отрицание религии, ссылающийся постоянно на религию, сам по себе без нее ничего не представляет и поэтому сам еще является религией». Однако назвать себя диалектическим материалистом я тоже не в праве. Признавая приоритет материи в природе, в вопросах повседневной общественной жизни я был идеалистом: для меня материальное благополучие мало что значило. Я был рабом своих идей и увлечений. Таким образом, меня можно назвать непоследовательным диалектическим материалистом.

Еще один вопрос из того же набора: почему Вселенная существует именно в том виде, в котором мы ее наблюдаем? Мог бы существовать другой вариант Вселенной с другими константами? Простой пример: если бы постоянная кулоновского взаимодействия была больше постоянной сильного взаимодействия, то ядра элементов не смогли бы образовываться, и наш мир бы рассыпался на элементарные частицы. Здесь мне импонирует идея множественности Вселенных, которые постоянно рождаются и умирают. Выживает только та Вселенная, у которой «правильные» мировые константы. Своеобразный естественный отбор. И не нужен никакой Создатель.

Даже если принять на веру его наличие, все равно остается вопрос: а кто же создал Создателя? Т.е. система взглядов, основанная на существовании Бога, все равно (по Геделю) является неполной. Если же признать ее полной, то (по Геделю) она содержит в себе противоречия. Как говорится, приехали...

Эпилог

В книге об истории семьи глава под названием «Эпилог» является неуместной. Эпилог, как правило, завершает какую-либо историю. Я не хочу, чтобы история семьи Канашовых завершилась. Мы с Верой хотим, чтобы у нас было много внуков, чтобы они выросли и радовались, глядя на этот прекрасный мир. Мы надеемся, что еще не все потеряно...

Димитровград

2013 год